

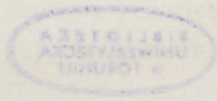
2817

ПЕРВАЯ УНІЯ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ СЪ КАТОЛИЧЕСТВОМЪ

(1246—1254).

Н. Дашкевича.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи (І. І. Звадзкаго).

1884.

ПЕРВАЯ ЧИТА

ЮТО-ЗАПАДНОЙ РАСЫ СЪ КАТОЛИЧЕСТВОМЪ

(1246-1254)

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1884 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владміра.

И. Дашковъ

431751

Переговоры папъ съ Даниломъ Галицкимъ объ уніи юго-западной Руси съ католичествомъ.

I. Въ ряду невзгодъ, которыя испытывала юго-западная Русь въ вѣка распадѣнія государственнаго единенія русскаго племени, однѣ изъ самыхъ чувствительныхъ были причиняемы пропагандою католичества и стремленіями его склонить русскій народъ къ признанію папскаго главенства и принятію католической догмы и обрядности.

Католическое рвеніе признавало позволительными всѣ мѣры, которыми „схизматики“ могли быть вынуждаемы къ вступленію въ подчиненіе Римской церкви, и прибѣгало довольно рано къ жесточайшимъ насиліямъ и стѣсненіямъ народной совѣсти. Подобныя насилія отзывались тѣмъ тяжелѣе въ жизни русскаго народа, что попытки введенія уніи на Руси были сообразуемы съ политическими цѣлями, не имѣвшими ничего общаго съ религіозной стороною дѣла. Идею уніи навязывали, поддерживали и старались осуществить прежде всего чуждыя національности, пытавшіяся найти въ ней опору своему господству въ южно-русской землѣ и ея порабощенію. Первенствующее значеніе въ вопросѣ объ уніи принадлежало политическимъ расчетамъ, и въ область религіи вносились мотивы, совершенно чуждые ей, нарушавшіе свободу, искренность и непосредственность религіознаго чувства. Вслѣдствіе того уніа бывала гибельна преимущественно своими политическими послѣдствіями, являясь средствомъ и предлогомъ къ стѣсненію народной совѣсти и обезличенію народной индивидуальности.

Такія стремленія и притязанія католичество проявило уже въ началѣ XIII в.¹⁾ Предполагаютъ, что угорскій король Андрей съ пер-

¹⁾ Угры оскорбляли религіозное чувство галичанъ уже въ концѣ XII в., когда „въ божницахъ почаша кони ставляти“ (Лѣт. по Ип. сп., 448), но тогда они были озлоблены попыткой галичанъ освободиться отъ ихъ господства.

ваго же вмѣшательства въ галицкія дѣла по смерти Романа уже обнаружилъ наклонность къ пропагандированію католичества и уніи церквей, и въ 1207 г. Иннокентій III присылалъ въ Русь своего легата ¹⁾. Письмо короля къ тому же папѣ, отправленное по водвореніи Коломана въ Галичѣ въ 1214 г., упоминаетъ объ обѣщаніи галичанъ приступить къ уніи съ Римомъ, но намъ кажется основательнымъ выраженное нѣкоторыми сомнѣніе въ достовѣрности этого извѣстія ²⁾: возникаетъ вопросъ, почему галичане желали остаться при своемъ обрядѣ и не тотчасъ же приступили къ уніи, а отлагали принятіе ея? Правдоподобнѣе извѣстія о принужденіи къ тому со стороны угровъ ³⁾, вслѣдствіе котораго иные русскіе могли пообѣщать подчиненіе папѣ, и религиозныя утѣшенія были, вѣроятно, одной изъ причинъ народной ненависти къ иноземцамъ.

Съ того времени католичество не прекращало своихъ покушеній въ теченіи 40 лѣтъ. Въ тридцатыхъ годахъ XIII вѣка исходнымъ пунктомъ католической пропаганды была Польша, и главными дѣятелями ея явились братья учрежденнаго въ 1216 г. ордена проповѣдниковъ (Доминиканцевъ), проникшаго въ Польшу уже въ 1218 г. Братья проповѣдники польской національности обратили вниманіе на сосѣднюю Русь, занялись въ ней дѣятельной пропагандой со всемъ пыломъ неопитовъ и выказали смѣлость, какой дотолѣ не проявлялъ католическій клиръ: они проникли въ мать русскихъ городовъ и энергически пытались водворить тамъ католичество.

Для исторіи католической проповѣди на Руси въ тридцатыхъ годахъ XIII в. имѣются троякіе матеріалы: положительныя свидѣтельства папскихъ грамотъ и анналовъ того времени, позднѣйшія упоминанія, невзвѣстно на чемъ основанныя, но не внушающія сомнѣнія, и наконецъ совершенно легендарныя извѣстія. Последнія сосредоточиваются около личности знаменитаго польскаго доминиканца Яцка (Іакинѳа) Одровонжа, біографія котораго разрослась постепенно въ грандіозную

¹⁾ Röpell, Geschichte Polens, I, 414—415. Hist. Russ. Mon. I, p. 3—4.

²⁾ Разсказъ Татищева о религиозныхъ утѣшеніяхъ въ общемъ можетъ быть принятъ. Ср. извѣстіе Длугоша, что галичане вознегодовали послѣ коронаціи, *portendentibus coronationem ipsam et ritus ipsorum et generis exterminium effecturam*. Lib. VI, col. 604.

³⁾ Смирновъ, Судьбы Червонной или Галицкой Руси, 1860, 40.

легенду. Въ легендѣ этой однако почти совсѣмъ не видно дѣйствительной исторіи, почему мы оставимъ въ сторонѣ сказанія о проповѣди Яцка на Руси и объ основаніи доминиканскихъ монастырей во Львовѣ, Галичѣ и Кіевѣ¹⁾. Ограничимся передачей болѣе или менѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

¹⁾ Современнаго Яцку свидѣтельства о проповѣди его на Руси не сохранилось, а жизнеописаніе его, написанное вѣкъ спустя, заключаетъ скудное упоминаніе о путешествіи Яцка въ Кіевъ. См. Zeissberg, Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters, Leipz. 1873, s. 90. Длугошъ лишь упомянулъ о томъ, что Яцекъ проповѣдывалъ на Руси (см. lib. VII, col. 751), а позднѣйшія біографіи вовсе не заслуживаютъ довѣрія. На основаніи папскихъ буллъ можно сказать только, что около 1231 г. доминикане проникли въ Русь. Особенно разрослась легенда о миссіонерской дѣятельности Яцка послѣ его канонизаціи, которой поляки домогались уже съ 1257 г., но добились только въ 1583 г. Объ этой канонизаціи см. у Папроцкаго: Herby guserstwa Polskiego, Krak. 1858, str. 502. Мало по малу начали говорить, что Яцекъ проповѣдывалъ въ Литвѣ, ю. Руси, Смоленскѣ, Черниговѣ, Молдавіи, Куманіи, Болгаріи, на побережьѣ Чернаго моря, въ Константинополь. Чудо, показанное будто бы Яцкомъ на Вислѣ, стали приурочивать потомъ къ удаленію Одровонжа изъ Кіева. Эти позднѣйшія легенды опредѣляли различно время прибытія Яцка въ Русь. Одни говорятъ, что первая доминиканская церковь св. Іоанна въ мѣстности позднѣйшаго Львова была основана спутниками Яцка въ 1223 году. И. И. Шараневичъ думаетъ, что монастырь св. Іоанна, уступленный потомъ доминиканцамъ, принадлежалъ первоначально армянскимъ уніатамъ—базиліанамъ восточнаго обряда (Географическо-историческія статіи, Львовъ 1875, 11—12). По другому извѣстію, первая доминиканская обитель въ позднѣйшемъ Львовѣ была основана въ 1233 г. Въ актахъ католическаго львовскаго архикапитула есть будто бы замѣтка, что церковь св. Іоанна принадлежала въ 1234 г., по записямъ доминиканскаго архива, миссіонерамъ—доминиканамъ. Правдоподобнѣе другихъ изложилъ первоначальную исторію доминиканцевъ и францисканцевъ на Руси Пиравскій, выписку изъ котораго см. у А. С. Петрушевича: Галицкій историческій сборникъ, выпускъ II, Львовъ, 1856 98—99, но рассказъ его, судя отчасти по содержанію, а отчасти по ссылкамъ, основанъ на данныхъ, которыя доступны и намъ, именно на извѣстіяхъ Длугоша и папскихъ булахъ 1234 и 1318 гг. Свѣдѣніе у Пиравскаго о поселеніи доминиканъ во Львовѣ заимствовано изъ мутнаго источника (см. у Петрушевича тамъ же стр. 156). 20 съ лишнимъ лѣтъ назадъ ле-

Въ началѣ 1232 г., по булламъ, уже были братья проповѣдники на Руси. 12 мая 1232 г. папа Григорій IX поручилъ пріору польской провинціи и двумъ братьямъ проповѣдникамъ отправиться въ Русь, гдѣ, по словамъ Гнѣзненскаго архіепископа было много церквей латинянъ безъ пастырей (*quam plures ecclesiae Latinorum pastorem aliquem non habentes*). Сколько можно видѣть изъ уцѣлѣвшихъ строкъ этой буллы, въ жизни латинянъ, жившихъ на Руси, были явленія, возмущавшія папу. Последняя изъ строкъ въ этомъ смыслѣ гласитъ: „отказываются изъявить покорность папскому престолу“ (*venire ad obedientiam sedis apostolice contradicunt*). Сохранившіяся строки грамоты содержатъ какъ бы намекъ на то, что эти латиняне были въ общеніи съ русскими ¹⁾. Спрашивается, что же это были за католики ²⁾? Вообще свѣдѣнія, заключающіяся въ буллѣ 12 мая 1232 г., неясны, и невозможно сказать, было ли на Руси лишь нѣсколько домовъ католиковъ, временно проживавшихъ тамъ по своимъ дѣламъ, на что указываетъ какъ бы отсутствіе правильно организованной іерархіи, или же извѣстія, переданныя Гнѣзненскимъ архіепископомъ, были неточны, и на Руси были като-

генды объ Яцкѣ и доминиканахъ на Руси въ XIII в. повторилъ безъ надежащаго критицизма Sadok Barącz въ своей монографіи „Rys dziejów zakonu kaznodziejskiego w Polsce, Lwów 1861“. Обстоятельный разборъ этого труда былъ напечатанъ И. И. Малышевскимъ въ „Трудахъ Кіевской Духов. Академіи“ 1867 г. и отдѣльно подъ заглавіемъ: „Доминиканецъ Яцекъ (Іакинѣ, Hyacinthus) Одровонжь, мнимый апостоль земли русской“. Въ последнее время католическіе писатели продолжаютъ повторять легендарныя небылицы. См., напр., Kunasiewicz Przewodnik po kościele Bożego ciała Oo. Dominikanów we Lwowie, Lwów 1876; Ks. Tomasz Dobszewicz, Wiadomość historyczna o biskupstwie Kijowskiem Rzymsko-katolickiem, Gniezno, 1883, стр. 134 и сл.

¹⁾ „... quorum conversationem execrabilem vita Latinorum detestabilis redditur et predictum ritum...“ Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej, t. VII, We Lwowie 1878, № 1. Объ этой буллѣ упоминаетъ доминиканскій булларій.

²⁾ Не тѣ ли бѣдники, которые, по словамъ папы Григорія IX въ письмѣ къ архіепископу Гнѣзненскому, епископу Краковскому и аббату Андреевскому, испытывая угѣненія отъ польскихъ князей, „cum tam iniquam et inauditam pati non valeant servitatem, ad perfidiam Rutenorum et Prutenorum transeunt, cohabitacione fidelium derelicta“? Ср. у Длугоша, I, col. 650.

лическіе приходы. На основаніи одного упоминанія¹⁾ можно предполагать, что тамъ было низшее католическое духовенство.

Порученіе, возложенное папой на доминиканъ, было исполнено. Буллы 1233 г. упоминають о *fratres ordinis predicatorum*, находившихся въ русскихъ земляхъ, но подчинявшихся *provinciali Polonie*. Они, какъ прежде Гвѣзненскій архіепископъ, просили папу принять мѣры противъ распущенности монаховъ (*religiosi*) и свѣтскихъ клериковъ (*clerici seculares*) двоеженцевъ. По словамъ братьевъ проповѣдниковъ, эти духовныя лица были таковыми лишь по имени: они оставили монастыри и вообще постоянныя мѣста жительства и блуждали, но совершали однако священнодѣйствія и многихъ вводили въ обманъ своею внѣшностью. Они относились враждебно къ братьямъ проповѣдникамъ и къ другимъ миссіонерамъ²⁾.

Въ Кіевѣ, по словамъ буллъ, въ то время находились какой-то Ульрихъ съ братьями и ихъ сограждане латиняне. Они состояли какъ-бы въ зависимости отъ Сандомірскаго декана, препозита и схоластика. Кіевскіе католики вели пропаганду, но встрѣчали трудности³⁾. Длугошъ также сообщаетъ, что католическіе миссіонеры были изгнаны въ 1233 году кіевскимъ княземъ Владиміромъ Рюриковичемъ, напуганнымъ успѣхами ихъ проповѣди⁴⁾.

¹⁾ „.... eorumdem clericorum insolentia dampnabili instigata“... На то же какъ бы указываетъ отрывочное выраженіе: „....antum ordinibus constituti exercere sacerdotalia officia in grave fidelium scandalum non...“ Akta, VII, 1

²⁾ Theiner, *Vetera monumenta Pol. et Lith.*, I, №№ XLVII и XLVIII.

³⁾ *Ulricus et fratres sui eorumque concives latini*. Theiner, I, №№ LV и LVI.

⁴⁾ *Lib. VI, col. 649*. У Длугоша не видимъ согласія съ буллами; такъ, доминикане были въ Кіевѣ еще въ 1234 г.; у Длугоша во главѣ кіевскихъ доминиканъ поставленъ не Ульрихъ, но *Martinus de Sandomiria*. По Длугошу доминиканамъ была уступлена въ Кіевѣ церковь св. Маріи, около которой они имѣли свой конвентъ. Это послѣднее извѣстіе истолковано Голубинскимъ: *Ист. р. ц.*, I, 700—701. Доминикане могли проникнуть въ Кіевъ съ 1231 г. Принимать вмѣстѣ съ И. И. Малышевскимъ 1228 г. за начало доминиканской миссіи въ Кіевѣ (Яцекъ, стр. 25—26 и др.) не находимъ достаточныхъ основаній). Не на этомъ ли извѣстіи Длугоша основано позднѣйшее преданіе (XVII в.) о томъ, что доминиканскій монастырь былъ устроенъ Владиміромъ Рюриковичемъ? Въ позднѣйшее время доминикане не помнили своего древняго кіевскаго монастыря; по крайней мѣрѣ, ихъ позднѣйшій монастырь носилъ иное

Повидимому, слѣдуетъ предположить незначительный успѣхъ католическихъ проповѣдниковъ въ Кіевѣ. Какъ было въ другихъ мѣстахъ южной Руси, неизвѣстно. Можно сказать только, что гдѣ-то былъ католическій монастырь до татарскаго нашествія ¹⁾.

Ревнители католичества не унывали, и для Руси былъ поставленъ даже особый епископъ, аббатъ Опатовскаго монастыря Краковской епархіи Герардъ. Его права были переданы Генрихомъ Силезскимъ Любускому епископу въ Силезіи²⁾ и узаконены папскою буллою 1257 г. Подробности этого событія намъ неизвѣстны, а равно и годъ поставленія епископа для русскихъ. Быть можетъ, учрежденіе епископіи въ Опатовѣ слѣдуетъ приводить въ связь съ сохранившеюся папскою буллою къ доминиканамъ, на которую мы уже указывали. Какъ видно изъ упомянутой буллы 12 мая 1232 г., Гнѣзненскій архіепископъ уже тогда ходатайствовалъ о поставленіи русскаго католическаго епископа, который, исковеркивъ пороки паствы, содѣйствовалъ бы распространенію католиче-

названіе. Сохранилась грамота Александра Владиміровича 1441 г., данная монастырю и церкви св. *Николая* въ подтвержденіе грамоты Владимира Ольгердовича, признанной Витовтомъ. Сигизмундъ III подтвердилъ „*diuersarum Litterarum serenissimorum olim et illustrium Principum, Regum Poloniae et Ducum Russiae...*“ Описаніе Кіево-софіевскаго собора и Кіевской іерархіи, Кіевъ 1825, Прибавленіе, № 5, стр. 15. И. И. Малышевскій (Яцекъ, стр. 95 и сл.) считаетъ грамоту 1411 г. подложною.

¹⁾ Сохранилось посланіе 1242 г. изъ Вѣны, въ которомъ F. abbas Montis S. Mariae ordinis S. Benedicti „*religiosis viris et universae S. matris ecclesiae fidelibus*“ duos fratres suos commendat: „*quos de claustro S. Mariae in Russia in Hyberniam transmittimus gratia commorandi*“ (по случаю нашествія татаръ). Erben, Regesta, I, 502. Ср. извѣстіе Длугоша подъ 1238 г. объ основаніи доминиканскаго монастыря въ Галичѣ (lib. VI, col. 661—662). Быть можетъ, въ Галичѣ вѣротерпимость была больше. По словамъ Пиравскаго, этотъ монастырь былъ разрушенъ татарами.

²⁾ См. извѣстное мѣсто хроники Годислава, подвергаемое различнымъ толкованіямъ, и объясненіе его у Петрушевича, Гал. ист. № II, 100—101. Различныя толкованія его указаны у Смирнова, Судьбы и т. д., 142—143, и у И. А. Линниченка, Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV столѣтія, Кіевъ, 1884, стр. 177. Мы думаемъ, что толковать документы надо примѣнительно къ современному имъ пониманію, а въ XIII ст., какъ видно изъ буллы 1257 г., Любускіе епископы, считавшіе себя преемниками Опатовскаго аббата, изъявляли притязаніе на русскій діоцезъ въ

ства¹⁾. Папа поручилъ нѣсколькимъ польскимъ доминиканцамъ изслѣдовать состояніе страны и вообще все, что необходимо было знать по вопросу о поставленіи епископа, и донести. На основаніи этого документа можно сказать съ значительною вѣроятностію, что до 1232 г. на Русѣ и для Руси не было никакого католическаго епископа. Въ 1233 г. папа выражалъ только намѣреніе послать легата въ Россію²⁾. Изъ буллы 12 мая 1234 г. можно усматривать присутствіе на Руси католическихъ прелатовъ, но католическаго епископа не было тамъ, повидимому, и въ то время. Доминиканамъ было поручено „попеченіе о душахъ (animarum sollicitudo) въ земляхъ Русскихъ и другихъ невѣрныхъ“; они должны были дѣйствовать тамъ словомъ и примѣромъ. Папа дозволилъ имъ исповѣдывать католиковъ, пребывавшихъ на Руси, и давать разрѣшенія, между прочимъ, и христіанамъ, прибывающимъ въ тѣ страны“³⁾. Если сопоставить и эту буллу съ извѣстіемъ объ учрежденіи русской епископіи въ Опатовѣ, то можно будетъ опредѣлить приблизительно время возведенія Опатовскаго аббата въ санъ русскаго епископа: это случилось послѣ 12 мая 1234 г.⁴⁾

политическихъ предѣлахъ Руси. Ср. буллу 1247 г., позволяющую папскому легату носить палліумъ въ предѣлахъ Любускаго епископства. Для русскихъ въ Польшѣ, какъ скоро они были католики, не было надобности создавать особое епископство; или же это были уніаты? Ср. мнѣніе Смирнова, стр. 143—144.

1) ... per quem extirpatis vitis ritus ibi catholicus propagatur.

2) Theiner, I, № XLVIII.

3) Akta VII, № II, стр. 2—3. Замѣчательно совпаденіе числа, которымъ помѣчена эта булла, съ датой буллы 1232 г.

4) Мы расходимся съ мнѣніемъ Reifenkugel'я, что Любускій епископъ получилъ права Опатовскаго аббата около 1232 г. См. статью его „Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in den Territorien Halicz und Wladimir“ въ „Archiv für östereich. Geschichte“, LII Bd., zw. Hälfte, Wien 1875 (есть и отдѣльный оттискъ, но мы цитуемъ по Archiv'у). На основаніи приведенныхъ буллъ мы думаемъ, что это случилось позднѣе: въ нихъ нѣтъ оговорокъ объ епископѣ. Что до ссылки Рейфенкугеля на дотации, которыми былъ надѣленъ Любускій епископъ, то встрѣчаются указанія на подобное надѣленіе, относящіяся и къ 40-мъ годамъ XIII вѣка. Въ извѣстіи Годислава интересно выраженіе, что русскій епископъ былъ поставленъ для Руси *de novo*. Рейфенкугель изъясняетъ эти слова такъ, что уже въ то время

Положеніе католичества на Руси было, видно, не особенно блестяще, когда католическій епископъ для нея былъ поставленъ за ея предѣлами и въ самой странѣ не было постоянныхъ епископовъ. Доминикане утверждаютъ, правда, что въ 1233 г. Яцекъ, по просьбѣ Данила, избралъ изъ своихъ учениковъ и поставилъ католическаго архіепископа Галичу, Бернарда Поляка ¹⁾, но это извѣстіе не выдерживаетъ критики. Можно думать, что кромѣ Герарда, который названъ въ современной ему записи *primus episcopus Russiae* ²⁾, не было для Руси другихъ титулярныхъ латинскихъ епископовъ. Замѣчательно, что и доминиканское преданіе, относящее учрежденіе русскаго архіепископа и нѣсколькихъ епископовъ, ко времени папы Григорія IX, признаетъ, что они не имѣли постоянного мѣстопробыванія (*certas sedes nullas habentes*) и состояли въ странствовавшихъ конгрегаціяхъ, какъ было и въ началѣ XIV в.

О дѣятельности католическихъ проповѣдниковъ на Руси послѣ 1234 г. мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ и можемъ лишь предполагать, что они продолжали посѣщать русскія земли, какъ бывали и у инородцевъ, жившихъ вдоль юго-восточныхъ окраинъ Руси, если вѣрить свидѣтельствамъ о томъ ³⁾.

II. Въ первые годы послѣ татарскаго нашествія не видимъ на Руси католическихъ монаховъ, но вскорѣ папству мелькнула на время надежда на полный успѣхъ начатой прежде пропаганды. Въ половинѣ XIII столѣтія совершилось событіе единственное въ исторіи юго-западной Руси, подобнаго которому не было ни въ предшествовавшее, ни въ по-

„Illusion festhielt, dass die ruthenischen Länder schon irgend einmal eine römische Hierarchie gehabt hätten“ (S. 416—417). Судя по заявленію Любуцкаго епископа (см. буллу 1257 г.), что его предшественники съ незапамятныхъ временъ завѣдывали католиками, жившими въ русской землѣ, такая легенда существовала въ XIII вѣкѣ. Рейфенкугель не вѣритъ ей, но готовъ вѣрить отчасти доминиканскимъ преданіямъ (см. стр. 414—415).

¹⁾ Легенда объ этомъ архіепископѣ развита подробно Вагацз'емъ во II-мъ томѣ его монографіи. Перечень упоминаній о Бернардѣ см. также у Кунаевича въ его рецензій на Энциклопедію Шнейдера, Kraków, 1872—1873, 52—53.

²⁾ Monumenta Poloniae, III, Lwów 1878, 23.

³⁾ Свидѣтельства эти см. у П. В. Голубовскаго: Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ, Кіевъ 1884, 187—188.

слѣдующее время: галицко-волинская земля изъявила добровольное согласіе признать главенство папы, и къ тому склонился русскій народъ въ лицѣ князей, епископовъ и лучшихъ людей повидимому—безъ принужденія. Это была первая попытка введенія на Руси дѣйствительной уніи, основанной на *добровольномъ* единеніи съ Римскою церковію ¹⁾. Она рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что возникла безъ непосредственнаго тягостнаго давленія иноземцевъ, хотя и не безъ вліянія польской политики ²⁾, и имѣла мѣсто во время самостоятельной политической жизни южной Руси. Покровительствовать этой уніи былъ готовъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и честнѣйшихъ князей этой Руси—Даніиль Романовичъ Галицкій.

Понятна важность этого событія. Оно привело въ свое время къ крупнымъ политическимъ послѣдствіямъ и занимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ видное мѣсто въ исторіи юго-западной Руси, какъ первая и единственная въ своемъ родѣ попытка церковной уніи въ этой землѣ. Весьма интересно потому выяснить зарожденіе этого движенія и соображенія, которыми руководился Даніиль Галицкій, ведя переговоры съ папой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Необходимо новое и безпристрастное изслѣдованіе этихъ переговоровъ въ виду того, что католическіе историки представляютъ ихъ превратно, а наша историческая литература слѣдуетъ въ сущности за ними.

Уже Длугошъ старался изложить исторію переговоровъ Даніила съ папой неблагопріятно для русскаго князя. По словамъ Длугоша, желая получить королевскій титулъ, Даніиль завелъ первый сношенія съ папскимъ легатомъ, совсѣмъ на то не уполномоченнымъ, и когда польскіе епископы, въ особенности Краковскій, сопротивлялись коро-

¹⁾ Ранѣе не было уніи. Письмо короля Андрея къ Иннокентію III упоминаетъ только объ обѣщаніи галичанъ пребывать впредь въ уніи (*in unitate... perseveraturis*) и изъявить покорность Римской церкви, но въ самый моментъ написанія этой грамоты русскіе желали обезпеченія свободы православною исповѣданія. По словамъ короля, намѣреніе это могло встрѣтить препятствія въ случаѣ медленности со стороны короля и папы, „*quod quidem m'itis ex causis accidere posse constat*“: ясно, какъ оно было непрочно.

²⁾ См. извѣстіе Плато-Карпини о томъ, что Конрадъ Мазовецкій, герцогъ Краковскій, епископъ и польскіе бароны просили Василька быть покровителемъ папскимъ посламъ.

нованію русскаго князя, Даниїль клятвенно обязался принять католическую догму и даже обрядность и былъ тогда коронованъ. Этому противорѣчатъ папскія буллы, между прочимъ и та, которая приведена у самого Длугоша, и уже нѣкоторые польскіе писатели замѣтили, что Длугошъ, говоря о коронаціи русскаго князя, допустилъ умышленныя искаженія ¹⁾. Также и для послѣдующихъ польскихъ историковъ Даниїль являлся образцомъ „русскаго коварства и обмана“ ²⁾.

Русскіе историки вслѣдъ за польскими повторяютъ, что починъ переговоровъ принадлежалъ Даниїлу, и одни готовы заподозривать Даниїла въ нѣкоторомъ легкомысліи и недальновидности ³⁾, а другіе, признавая величіе Даниїлова замысла ⁴⁾, восхваляютъ *хитрость* его политики ⁵⁾.

Удивительнѣе всего, что толки объ инициативѣ Даниїла въ переговорахъ съ папою повторяетъ такой основательный знатокъ галицкой исторіи, какъ А. С. Петрушевичъ. Подобно польскимъ историкамъ ⁶⁾,

¹⁾ См. Stebelskiego Dwa wielkie światła na horyzoncie Połockim, wyd. dr., Lwów 1867, t. III, str. 18—21. Критика разсказа Длугоша—у Репелля. Этотъ разсказъ можетъ служить образчикомъ недобросовѣстности пресловутаго польскаго историка, такъ недавно возвеличеннаго на юбилей въ Краковѣ.

²⁾ „Ruthenicae dolositatis atque fraudis“: Длугошъ употребляетъ эти выраженія, говоря о набѣгахъ сыновей Даниїла на Польшу въ союзѣ съ татарами (col. 758). Примѣръ позднѣйшихъ польскихъ сужденій о Даниїлѣ можно видѣть у Папроцкаго: Herby rycerstwa polsk., 36. Правильнѣе и безпристрастнѣе другихъ историковъ изложилъ исторію сношеній Даниїла съ папою Репелль, Gesch. Polens, 518—524.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, III ³, 216.

⁴⁾ Карамзинъ, т. IV, гл. 1.

⁵⁾ Эту хитрость выдвигаетъ на видъ въ особенности статья К. Т. Мурковскаго: „Даниїль Романовичъ Галицкій въ сношеніи съ Римомъ“, помѣщенная въ „Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ 1873 г.

⁶⁾ Уже Стрыйковскій утверждалъ, что Даниїль затѣялъ первый сношенія съ папою и отправилъ пословъ на Ліонскій соборъ. Эта легенда повторяется и теперь. Целешъ говоритъ въ своей исторіи уни: „Der Halitscher Fürst Daniel hatte sich um das Jahr 1245 an den Papst Innocenz IV mit der Bitte um Hilfe gegen die Tataren und um Verleihung der königlichen Krone gewendet und im Einverständnisse mit seinen Bischöfen den Primat des Paps-

и г. Петрушевичъ готовъ считать началомъ сношеній русскаго князя съ папой появленіе русскаго посла на Ліонскомъ соборѣ. Таковымъ посланнымъ Данила г. Петрушевичъ признаетъ теперь ¹⁾ русскаго архіепископа Петра, рассказъ котораго о татарахъ занесенъ подъ 1244 г. въ хронику Матѳея Парижскаго ²⁾, а равно въ *Annales de Burton* ³⁾. Г. Петрушевичъ отступилъ, такимъ образомъ, отъ мнѣнія о Петрѣ, выказаннаго имъ 25 лѣтъ назадъ ⁴⁾, и послѣдовалъ за Филаретомъ и нѣкоторыми галицкими писателями, признавшими Петра галицкимъ епископомъ.

Мнѣніе г. Петрушевича было подхвачено польской *Gazeta narodowa*, которая въ 1882 г. отмѣтила съ злорадствомъ то, что первымъ латинизаторомъ южной Руси былъ не кто иной, какъ знаменитый Данилъ Галицкій.

Мы позволили себѣ не согласиться съ подобными домыслами, составляющими, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не подтверждаемую гипотезу ⁵⁾. При внимательномъ отношеніи къ источникамъ нельзя не признать, что не Данилъ былъ искателемъ уніи, что починъ въ переговорахъ о ней принадлежалъ папѣ и католическимъ монахамъ, поселив-

tes anzuerkennen versprochen“; тогда только и вслѣдствіе того будто бы папа выслалъ францисканца Плато-Карпини съ 5 монахами къ великому татарскому хану чрезъ Польшу и Русь. Pelesz, *Geschichte d. Union d. ruthen. Kirche*, Wien 1878, 277.

¹⁾ Историческое Извѣстіе о церкви св. Пантелеймона близъ города Галича, Львовъ 1881, стр. 53.

²⁾ *Matthaei Parisiensis, monachi sancti Albani, chronica majora*. Ed. by Luard, vol. IV, Lond. На извѣстіе М. Парижскаго о русскомъ архіепископѣ Петрѣ обратилъ вниманіе уже въ прошломъ столѣтіи Le Quien въ *Oriens Christianus*, у насъ—митроп. Евгений въ „Словарѣ писателей дух. чина“ и архіеп. Филаретъ. Краткую замѣтку о Петрѣ см. въ нашей монографіи „Князь Дан. Гал.“, 1873, стр. 135—136; тамъ же (стр. 139—140 и 153—155) нѣсколько соображеній о сношеніяхъ Данила Галицкаго съ папой.

³⁾ *Annales monastici*, vol. I, ed. by Luard, Lond. 1874.

⁴⁾ Галицкій истор. сборникъ, II, 4—8.

⁵⁾ Мнѣніе г. Петрушевича имѣетъ какъ бы единственную опору въ словахъ Плато-Карпини о посылкѣ Даниломъ аббата къ папѣ, но аббатъ—не архіепископъ и былъ высланъ, очевидно, послѣ Ліонскаго собора и по выѣздѣ въ путь Плато-Карпини, о чемъ см. ниже.

шимъ въ русскомъ князѣ несбыточную мечту о всеобщемъ католическомъ ополченіи противъ татаръ. Согласившись затѣмъ на признаніе вселенскаго значенія римскаго епископа, Даніилъ никогда не думалъ о пожертвованіи самостоятельностью русской церкви и не прибѣгалъ къ мелкой хитрости.

Въ настоящемъ очеркѣ мы предположили попытаться обосновать эти положенія, выведенныя изъ изученія источниковъ, и возстановить истинный смыслъ и послѣдовательность переговоровъ объ уніи при Даніилѣ Галицкомъ, искажаемые польскою школою историковъ и неправильно представляемые нашими отечественными изслѣдователями.

III. Первый вопросъ, представляющійся намъ, касается архіепископа Петра и начала сношеній Даніила Галицкаго съ папой: имѣли ли эти переговоры какое-либо отношеніе къ Ліонскому собору? На этотъ вопросъ можно отвѣтить съ полною увѣренностію отрицательно.

Что касается, во 1-хъ, послыки Даніиломъ епископа на Ліонскій соборъ, то о ней не говорятъ никакіе современные событію источники. Извѣстія того времени представляютъ Петра отправившимся на соборъ какъ бы по собственному начинанію¹⁾. Могутъ сказать, что западные лѣтописцы, упомянувшіе о Петрѣ, интересовались не столько величественнымъ планомъ русскаго князя, сколько самими татарами и не обратили вниманія на то, что Петръ былъ посланъ княземъ, но этому послѣднему предположенію противорѣчатъ положительныя факты. Если Даніилъ обращался къ папѣ еще во время Ліонскаго собора, то почему папа отвѣтилъ ему такъ поздно, почти черезъ годъ²⁾? Сомнительно, чтобы буллы 1246 г. были вызваны посольствомъ Петра: отвѣтъ былъ бы врученъ ранѣе, вскорѣ послѣ собора, разсуждавшаго, между прочимъ, и о татарахъ. Думать, что „Петръ нарочно скрывалъ причину своего посольства, чтобы не обратити вниманія татаръ на князя Даніила“, нѣтъ основаній въ виду того, что въ 1246 и 1247 гг. Даніилъ не заботился о соблюденіи переговоровъ въ тайнѣ.

¹⁾ По словамъ Матѳея Пар., русскій архіепископъ Петръ „*archiepiscopatu suo immo ab ipso (regno) fugiens et effugatus ad partes se transtulit cisalpinas, consilium et auxilium et de sua tribulatione consolationem adepturus*. Р. 386. Отмѣченныя курсивомъ слова весьма важны; въ достовѣрности ихъ нельзя сомнѣваться, потому что Матѳеи присутствовалъ на соборѣ.

²⁾ Первые буллы къ Даніилу помѣчены маемъ 1246 г.

Намъ кажется, далѣе, что къ извѣстіямъ *Annales de Burton* и Матѳея Парижскаго о Петрѣ, какъ о русскомъ архіепископѣ, слѣдуетъ относиться съ большою осторожностію и, во всякомъ случаѣ, едва ли можно считать Петра епископомъ чисто русскихъ земель.

Въ извѣстіяхъ, переданныхъ Петромъ о татарахъ, а равно въ сообщеніи о немъ самомъ усматривается рядъ странныхъ противорѣчій и несообразностей.

Въ повѣствованіи Петра о татарахъ¹⁾ изложены нѣкоторыя достовѣрныя свѣдѣнія, что не удивительно, такъ какъ Петръ зналъ татарскій языкъ²⁾, встрѣчаются у него и ссылки на русскія событія, но въ то же время находимъ неточности и анахронизмы³⁾.—Странно также, что

¹⁾ Петръ далъ предъ *inquisitoribus* (Матѳ. Пар., 386) показаніе о татарахъ, которое было тотчасъ же, вѣроятно, записано для свѣдѣнія собора, въ третьемъ засѣданіи котораго (17 іюля) было прочитано постановленіе о татарахъ („*para—constitutiones ... quae contra Tartaros factae fuerant, fecit legi*“). И у Матѳея Пар., и въ *Анналахъ Буртонскихъ* извѣстія Петра о татарахъ являются почти въ одинаковомъ изложеніи, и разночтенія не особенно значительны: такъ, у Матѳея Пар. не находимъ словъ, которыми заключено изложеніе въ *анналахъ* (р. 275): „*super factis eorum plenius non instruxit*“. Текстъ Матѳея какъ бы полнѣе и исправнѣе, списокъ *анналь* систематичнѣе. Быть можетъ, который-нибудь изъ хронистовъ нѣсколько измѣнилъ первоначальный текстъ, внося его въ свой сводъ. Авторъ *Annales* получилъ показаніе Петра отъ кого-либо изъ бывшихъ на соборѣ, о разсказахъ которыхъ упоминаетъ.

²⁾ По словамъ Матѳея Пар. (р. 386), Петръ „*de conversatione ipsorum Tartarorum, quam expertus est, inquisitoribus sic respondit...*“

³⁾ Петръ сообщилъ о татарахъ, что уже прошло 26 лѣтъ съ того момента, какъ впервые была опустошена ими Россія [„*Et interfecto Salbatin, et Ornac civitate ejus occupata, Curcenzam nepotem ejus per multas provincias insecuti sunt. Provincias vero ipsum recipientes devastaverunt; inter quas pro magna parte devastata est Russia. Jam sunt XXVI anni elapsi*“. *Ann. de Burton*, 272—273. У Матѳея II.: „*Inter quas (provincias) pro magna parte devastata est Russia, jam sunt viginti sex anni*“. р. 387], т. е. Петръ относилъ первое татарское нашествіе къ 1219 или 1218 г. Впрочемъ, русскіе, бѣжавшіе передъ татарами въ Сарсонію, также разсказывали католическимъ монахамъ въ 1241 г., что татары „*Ruscenos impugnaverunt viginti annis*“.—О татарахъ передаются у Петра свѣдѣнія въ родѣ того, что они „*dicunt*

русскій архіепископъ изложилъ предъ папой „наилучшимъ образомъ исповѣданіе вѣры“¹⁾.—Петръ не могъ быть ни галицкимъ епископомъ половины XIII в.²⁾, ни владимирскимъ³⁾, ни холмскимъ⁴⁾, потому что на столахъ этихъ епископій не встрѣчаемъ въ то время святителей съ именемъ Петра. Имя Перемышльскаго владыки, современника Ліонскаго

se habere sanctum Johannem ductorem“ (р. 273). Не отголосокъ ли это легенды о пресвитерѣ Іоаннѣ (лучшая монографія о ней написана Царнке)? —Что до мнѣнія Петра о происхожденіи татаръ отъ Мадіанитянъ, бѣжавшихъ отъ Гедеона „usque ad remotissimas subsolani et Boreae plagas et sese recipientium in loco terroris et vastissime solitudinis Ergon“,—мнѣнія, которое, по словамъ г. Петрушевича (Гал. ист. сб. II, 97), „совсѣмъ согласуеть съ современнымъ мнѣніемъ Руси о началѣ того варварскаго народа“, то подобныя домыслы были въ то время распространены во всей Европѣ.

1) „Peroptime coram domino para exposuit evangelium“. Ann., 272.

2) Не понимаемъ, на какомъ основаніи г. Петрушевичъ считаетъ Петра галицкимъ архіепископомъ. См. „Княж. Дан. Гал.“, стр. 135. Нѣтъ никакихъ данныхъ называть Петра преемникомъ Артемія. Въ грамотѣ польскаго короля Казимира къ Константинопольскому патриарху первымъ галицкимъ митрополитомъ названъ Нифонтъ, а вторымъ Петръ, но подъ послѣднимъ разумѣлся, вѣроятно, извѣстный святитель, переселившійся въ послѣдствіи въ Москву. Въ подложной грамотѣ Данила и Василька караимамъ упоминается бискупъ Петро (Kunasiewicz, Przewodnik, 29—31; Петрушевичъ, Гал. ист. сб. II, 172—176), но откуда заимствовано это имя, указалъ Петрушевичъ.

3) Послѣ Іоасафа, бывшаго Владимирскимъ епископомъ около 1220 г., Владимирскій епископскій столъ занимали при Данилѣ и Васильгѣ, по извѣстію галицко-волинской лѣтописи (Ип., 494), Василій, Никифоръ и Косма.

4) Первымъ холмскимъ епископомъ былъ Іоаннъ, жившій по лѣтописи еще около 1259 г. (Ип., 494 и 562). Мы не находимъ основаній считать вмѣстѣ съ А. С. Петрушевичемъ (см. ст. его „Краткое извѣстіе о Холмской епархіи и святителяхъ ея“ въ „Науковомъ сборникѣ“ 1866, вып. III и IV, стр. 180) первымъ Холмскимъ епископомъ Кирилла, въ послѣдствіи митрополита, въ виду прямого указанія лѣтописи, что Холмская епископія была учреждена взамѣнъ Угровской послѣ того, какъ Угровскій епископъ Іоасафъ самовольно попытался было занять митрополичій столъ, — очевидно послѣ татарскаго нашествія. Тогда „избранъ бысть и поставленъ бысть Иванъ бискупъ“ (Ип., 494—495). Угровскъ былъ построень Даниломъ (Ип., 558), какъ и Холмъ.

собора, не названо, къ сожалѣнію, въ лѣтописи, гдѣ сказано только, что онъ придерживался стороны Даниилова противника, Ростислава Михайловича, и былъ пойманъ дворецкимъ Даниила. Этотъ посланный „не удоси“ Константина Рязанскаго, „но удоси владыку и слуги его разграби гордые...“¹⁾. Если этотъ епископъ бѣжалъ къ папѣ, то не Даниилъ его посылалъ. Равнымъ образомъ не имѣлъ бы отношенія къ Даниилу и епископъ какой-нибудь изъ другихъ областей Руси. Нельзя считать Петра епископомъ юго-западной Руси еще и потому, что онъ, по словамъ извѣстія о немъ, бѣжалъ изъ какой-то Руси, терпѣвшей отъ татарскихъ напалій около времени Ліонскаго собора²⁾, а юго-западная Русь въ то время не была еще занята татарами и не платила имъ дани. Татары могли производить тогда утѣсненія въ степяхъ, въ Червленомъ яру³⁾.

На основаніи сказаннаго едва-ли можно принимать буквально извѣстіе о Петрѣ, какъ о православномъ русскомъ епископѣ. Если же вѣрить все-таки этому извѣстію и не подвергать сомнѣнію сана Петра, то необходимо признать его, какъ скоро онъ не былъ проходимецъ⁴⁾, епископомъ Руси, колебавшейся между православіемъ и латинствомъ, или же Руси, не входившей во владѣнія дома Владиміра св. и примыкавшей къ восточнымъ или южнымъ окраинамъ этихъ владѣній.

Уже давно было высказано предположеніе, что это былъ одинъ изъ латинскихъ епископовъ *in partibus*, поставленныхъ для Руси, и въ послѣднее время къ этому мнѣнію присоединился Пелешъ⁵⁾. Въ пользу этой догадки говорило бы то обстоятельство, что Петръ „*regor-time coram domino Papa exposuit evangelium*“, что онъ принималъ

¹⁾ Ип., 527. Имена Перемышльскихъ епископовъ, приведенныя въ Перемышльскомъ шематизмѣ, Петрушевичъ считаетъ недостоверными. Гал. ист. сб. II, 180. Ср. Перемышлянинъ 1853, 23.

²⁾ „*A Tartaris exterminatus, ut archiepiscopatu suo immo ab ipso regno fugiens et effugatus*“. Матѣ., 386.

³⁾ Соображенія о времени колонизаціи Червленаго Яра см. у Голубовскаго, Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 114 и сл.

⁴⁾ Такое подозрѣніе возбуждаетъ выраженіе о немъ Матѣя Париж.: „Петръ, человекъ, какъ можно было думать, достопочтенный и стоящій довѣрія“ (*vir ut aestimari potuit honestus et fide dignus*).

⁵⁾ Gesch. d. Union, I, 288.

участіе въ папскомъ богослуженіи¹⁾ и отправился „ad partes cisalpinas“ искать совѣта и утѣшенія, но странно съ другой стороны, что Петръ не зналъ по-латыни, что во время богослуженія онъ былъ одѣтъ не такъ, какъ остальные прелаты²⁾, и подписи его нѣтъ въ актахъ собора. Петръ не могъ быть титулярнымъ латинскимъ епископомъ юго-западной Руси еще и потому, что, кромѣ Опатовскаго и Любускаго епископовъ, едва-ли до 1246 г.³⁾ были другіе католическіе епископы южной Руси, жившіе въ этой странѣ или внѣ ея⁴⁾.

Мы склоняемся къ иному предположенію и думаемъ, что Петръ былъ епископомъ Руси, находившейся за предѣлами господства дома Владиміра. Какъ извѣстно, русскими назывались изстари наши закарпатскіе соплеменники⁵⁾. До половины XIV в. русское племя преобладало въ

1) „Cum domino Papa ceterisque praelatis divinatorum assistebat celebrationi“ (Ann. de Burton, 272).

2) „Sacris vestibus, sed non eo modo quo ipsi“.

3) Только въ 1246 и 1247 гг. было сдѣлано распоряженіе римскою куріею о посвященіи нѣсколькихъ епископовъ для Руси (Hist. Russ. Monim. I, № LXXI). Неизвѣстно, были ли они поставлены на самомъ дѣлѣ.

4) 18 августа и 17 сентября 1245 г. Иннокентій IV издалъ буллы, въ которыхъ archiepiscopis, episcopis, abbatibus et aliis ecclesiarum praelatis per Romanum imperium, Italiam, Siciliae ac Hungariae regna etc. etc. constitutis praecipit, ut a fratrum Praedicatorum et Minorum gravaminibus penitus desistant. Potthast, Regesta pontificum Romanorum, Berolini 1874, №№ 11811 и 11878. Въ перечнѣ буллъ о миноритахъ (18 августа) читаемъ: „In e. m. archiepiscopis etc. Boemiae, Suetiae et Norwegiae, Poloniae, Livoniae, Slavoniae, Russiae“. Въ ряду буллъ о проповѣдникахъ: „In e. m. archiepiscopis, etc., per regnum Boemiae, Poloniam, Russiam, Prussiam, Caffubiam et Pomoranium. — — archiepiscopis, etc., per Hungariam, Serviam, Galitiam, Sclavoniam, Croatia et Dalmatiam constitutis“. Les registres d'Innocent IV, Recueil des bulles de ce pape publiées ou analysées d'après les manuscrits originaux du Vatican et de la Bibliothèque nationale par Élie Berger (Biblioth. des écoles françaises d'Athènes et de Rome), Paris, Ernest Thorin, éditeur, 1881—83, p. 279, №№ 1878 et 1876. По этимъ общимъ заглавіямъ трудно сказать, были ли въ то время на Руси католическіе епископы.

5) О нихъ см. монографіи Бидерманна (Die ungarisch. Ruthenen, Innsbruck 1865—67) и Дулишковича и мелкія статьи въ галицкихъ изданіяхъ и русскихъ. Въ половинѣ XIII в. русскіе упоминаются на востокѣ Угрии въ

странѣ, которая получила потомъ названіе Молдавіи ¹⁾. Въ послѣднее время уже принято наукой, что русское племя встарь достигало также Трансильваніи ²⁾. Намъ кажется, что Петръ былъ епископомъ которой-нибудь изъ этихъ земель; мы только не беремся рѣшить, какого онъ былъ исповѣданія. Въ первой половинѣ XIII в. въ тѣхъ земляхъ были какъ православныя, такъ и католическіе епископы ³⁾. Татары пробыли

сосѣдствѣ съ бродниками, болгарами, босняками. Выдержки о бродникахъ цитованы многими, почему мы не приводимъ ихъ. См. также признаваемое нѣкоторыми подложнымъ письмо Премыслава Оттокара II къ папѣ (Pertz, Monum. Germ., t. IX, Annales Otakariani, p. 185; то же въ Hist. Russ. Monim. II, № 5); здѣсь Ruscenses отличены отъ Rutheni. Что до извѣстія 1246 г. о томъ, что союзниками угорскаго короля были rex Rusciae, а также Brusciae, то напрасно И. И. Шараневичъ (Die Hypatios-Chronik, Lemberg 1872, стр. 87 и прим. 431) считаетъ невыясненною личность перваго изъ этихъ королей. Ср. П. с. р. л. II, 341 и „Княж. Дан. Гал.“, 57. Въ 1246 г., по возвращеніи Данила изъ Орды, состоялось примиреніе его съ угорскимъ королемъ, и Данилъ ѣздилъ въ Венгрію (Ип., 537).

¹⁾ Мы признаемъ вѣроятнымъ преданіе о занятіи румунами Молдавіи въ половинѣ XIV в.

²⁾ См. Успенскаго „Образованіе втораго Болгарскаго царства, Одесса 1879, приложенія: Участіе Русскихъ въ борьбѣ за независимость“ и прибавленіе къ этой главѣ, гдѣ указана относящаяся къ этому предмету ученая литература.

³⁾ Въ Угріи отъ Савы и Дуная до Карпатъ было немало славянъ и румунъ, исповѣдывавшихъ православіе, но которыхъ католическая іерархія старалась подчинить своему вѣдѣнію; по мѣстамъ, подъ ихъ вліяніемъ, къ православію склонялись и мадьяры. Греко-католическое исповѣданіе у мадьяръ, принявшихъ его одновременно съ русскими и волохами, и теперь называется русскою вѣрою. Въ 1204 г. въ Угріи было много православныхъ монастырей и только одинъ католическій. Дулишковичъ, Историческія черты Угро-Русскихъ, тетр. II, Унгваръ 1875, 49—50. Пичъ, Ueber die Abstammung der Rumänen, Leipz. 1880, 114, 209—214. Слѣды православія въ Угорской землѣ возводятъ еще ко времени до св. Стефана, съ чѣмъ согласно преданіе, занесенное въ повѣсть объ убіеніи Батя въ Угріи: „Бѣху же Угри первое православи, крещеніе отъ Грековъ приемше...“ Ср. брошюру Сасинька „Sv. Method a Uhorsco, Tur. Sv. Martin 1884, и написанную, впрочемъ, безъ доотаточнаго критицизма. У Румунъ былъ православный епископъ съ 1234 г. Picot, Chronique de Moldavie par Urechi, p. 21. О началѣ католи-

тамъ довольно долго, и опасеніе татарскаго погрома не прекращалось въ Угріи нѣсколько лѣтъ¹⁾. Благодаря тому, что къ югу отъ галицкаго княжества русское племя тянулось въ перемежку съ другими національностями до Дуная, названіе Руси могло быть усвоено и населенію, не входившему въ составъ русскаго государства, а слѣдовательно и русской церкви, и есть примѣры и болѣе древняго (до 1245 г.), и болѣе поздняго обозначенія этимъ названіемъ люда нерусскаго. Въ разсматриваемомъ извѣстіи могли также смѣшать Русскихъ съ Rasciani и болгарамъ²⁾. Появленіе на Ліонскомъ соборѣ епископа изъ земель придунайскихъ или юго-славянскихъ не представляло ничего страннаго въ то время, когда, по выраженію Палаузова, юго-востокъ Европы колебался между православіемъ и папизмомъ.

Чтобы имѣть подробности свѣдѣнія о татарахъ, не было надобности быть русскимъ, и г. Петрушевичъ напрасно говоритъ, что „запад-

цизма у Румунъ см. у Еп. Мелхиседека *Papismul și starea actuală a Bisericeii orthodoxe în Regatul României*, Bucur. 1883. Переводъ этой брошюры см. въ іюльской книжкѣ „Трудовъ Кіевской Дух. Академіи“ 1884 г.

¹⁾ Подъ 1244 г. у Матѳея Парижскаго читаемъ: „*Per eosdem dies rex Hungariae, expulsus de regno suo per Tartaros, ad alas protectionis imperialis convolvavit, ab eodem in tali articulo consilium efficax et auxilium contra communes hostes petiturus*“ (р. 298). Папское разрѣшеніе отъ вассальной клятвы, принесенной по этому поводу угорскимъ королемъ Фридриху, дано буллою 21 августа 1245 г. (Potthast, № 11827). Въ 1243 и 1247 гг. ожидалось вторженіе татаръ въ Угрію. *Les reg. d'Innoc. IV*, pp. 8, 13, 443, №№ 30, 46, 2957, 2958.

²⁾ 21 марта 1245 г. папа пригласилъ правителя Болгаріи Коломана возвратиться въ лоно римской церкви. Для обсужденія вопроса объ уніи папа предложилъ составить соборъ изъ прелатовъ Греціи и Болгаріи и обѣщаль принять съ почетомъ Коломана и его пословъ. Къ Коломану были отпращены минориты. Potthast, № 11606. 25 марта того же года папа издалъ воззваніе къ духовенству въ земляхъ Болгаріи, ко Влахамъ, Хозарамъ и др. о воссоединеніи съ римскою церковію.—Въ извѣстіяхъ австрійскихъ хроникъ о побѣдѣ Оттокара надъ Белой IV упомянуты *Rasszen*. Въ документѣ 1341 г. читаемъ: „*in confinibus Regni Hungariae iuxta Schismaticos regni Rassiae versus Serviam*“; въ актѣ 1500: „*Muhaylo et Nicolaus, contempta Religione fidei Christiane, dampnabili secte csismatice Wolachorum siue Rascianorum adhesisse dicuntur*“... *Piž*, 153—154.

ная Европа получила первое подробное извѣстіе о татарахъ отъ нашего галицкаго святителя Петра¹⁾. Татары возбудили тогда всеобщее вниманіе западной Европы; слухи о нихъ доходили до отдаленнаго Прованса, и о нихъ тщательно собирали свѣдѣнія, въ особенности по случаю грозной молвы, что они собираются покорить всю Европу²⁾. Сохранилось нѣсколько западныхъ записокъ о татарахъ, предшествующихъ по времени сообщенію Петра, а въ обстоятельствахъ не уступающихъ его извѣстію³⁾.

Итакъ, загадочный русскій архіепископъ Петръ, по всѣмъ соображеніямъ, не имѣлъ никакого отношенія къ переговорамъ Даниила съ папой, а равно къ посольству миноритовъ, передавшихъ Даниилу и Васильку предложеніе присоединиться къ Римской церкви.

IV. Идея посланки миссіи къ татарамъ возникла независимо отъ переговоровъ съ Давиломъ—подъ вліяніемъ постоянно доходившихъ до папы вѣстей о произведенныхъ татарами опустошеніяхъ и о новыхъ ихъ замыслахъ. Иннокентій IV во все время своего правленія заботился объ отстраненіи опасности и тотчасъ же по вступленіи на пап-

¹⁾ Стр. 54.

²⁾ Плато-Карпини подтвердилъ этотъ слухъ. По его словамъ, для вступленія татаръ въ походъ противъ западныхъ народовъ „tempus est assignatum in Martio An. Dom. 1247, si de terra sua mouebunt“ (стр. 200 изд. Языкова).

³⁾ Въ Additam. Hist. Angliae Matth. Paris. помѣщ. сообщеніе какого-то угорскаго епископа episcopo Parisiensi de Tartarorum irruptione ac moribus, и извѣстія двухъ монаховъ, одного—доминиканца, а другаго—францисканца, de Tartarorum invasione ac vastatione, помѣченныя 1241 г. (перепечатаны у Fejer'a Cod. dipl. IV, I и у Эрбена, Regesta, I, p. 473 и 486). Далѣе подъ тѣмъ же годомъ значится сообщеніе брата Юліана episcopo Peruttino, apostolicae sedis legato, de origine et pugnandi modo Tartarorum (у Эрбена p. 475). Подъ 1243 г. у Матѳея Пар. помѣщено письмо о татарахъ, адресованное къ архіепископу Бордосскому (Burdegalensi) какимъ-то Yvo dictus Narbonensis и произшедшее, по словамъ Матѳея, большой переполохъ. О татарахъ Yvo слышалъ въ Австріи (pp. 270—277). Изъ этого перечня видно, что форма письма была излюбленной въ то время для передачи свѣдѣній о татарахъ. Достопримѣчательно и то, что и у угорскаго епископа, и у монаховъ сообщаются, между прочимъ, извѣстія о завоеваніи татарами Руси.

скій престоль побуждалъ нѣмцевъ къ крестовому походу противъ татаръ въ защиту Венгріи ¹⁾).

Уже въ 1244 г. были отправлены миссіонеры „въ земли Сарацинъ, язычниковъ и невѣрныхъ ²⁾“. Приглашая въ 1245 г. на Ліонскій соборъ, папа указывалъ на опасность, грозившую отъ татаръ, и на необходимость принять мѣры противъ нихъ, а равно противъ другихъ враговъ вѣры и преслѣдователей христіанъ ³⁾. Въ тоже самое время папа подписалъ грамоты къ хану и народу татарскому, склонявшія къ принятію христіанства и къ прекращенію нападеній на христіанъ и преслѣдованія ихъ. Буллы эти должны были вручить францисканцы, нарочно для того снаряженные ⁴⁾. Изъ этого видно, что уже за нѣсколько мѣсяцевъ до Ліонскаго собора, въ мартѣ 1245 г., была задумана миссія къ татарамъ, имѣвшая цѣлью, по словамъ Плато-Карпини, „узнавъ настоящимъ образомъ о намѣреніяхъ и помысленіяхъ татаръ, открыть оныя христіанамъ на тотъ случай, чтобы, внезапно напавъ, татары не нашли ихъ неприготовленными. Мы разсудили, говорить посоль, отправиться прежде всего къ татарамъ, поелику боялись, чтобы они вскорѣ не подвергли опасности церковь Божию“.

Неизвѣстно, почему посольство двинулось въ путь не тотчасъ же по подписаніи грамоты къ татарамъ. Быть можетъ, папа приостановился въ ожиданіи рѣшенія Ліонскаго собора, открывая который папа указалъ, какъ на главное бѣдствіе христіанскаго міра, на татарскія нападенія, и въ постановленіяхъ котораго опредѣленіе о татарахъ занимаетъ 17-й пунктъ. Разсказъ Петра о намѣреніяхъ татаръ покорить весь міръ и объ увѣренности ихъ въ предстоящемъ жестокомъ столкновеніи съ римлянами и другими латинцами ⁵⁾ и въ томъ, что въ слу-

¹⁾ Les reg. d'Innoc. IV, p. 8, № 30. Императоръ Конрадъ IV въ годъ Лигницкой битвы приглашалъ къ походу противъ „Canes Tartareos“.

²⁾ Булла IV non. oct. a^o 2°. Potthast, p. 973, № 11461.

³⁾ Рядъ этихъ посланій указанъ у Поттгаста; Les reg., p. 207, № 1354.

⁴⁾ Одна изъ грамотъ помѣчена 5 марта, другая 13 марта (Potthast, p. 982, №№ 11571 и 11572; Les reg., p. 208, №№ 1364 и 1365). 22 марта того же года папа издалъ буллу, въ которой Fratibus de ordine Minorum in terras Saracenorum, Paganorum, Graecorum, Bulgarorum etc. proficiscentibus quamplura confert privilegia. Potthast, p. 985, № 11607.

⁵⁾ „Cum Romanis et aliis Latinis“—Ann. de Burt., 274; — „cum Latinis“—Matt. Paris., p. 389.

чаѣ побѣды они будутъ властвовать надъ всѣмъ міромъ, долженъ былъ увеличить опасенія, но, повторяемъ, не онъ внушилъ мысль о посольствѣ къ татарамъ и о переговорахъ съ Даниломъ¹⁾.

Посольство къ татарамъ выѣхало изъ Ліона, вѣроятно, осенью 1245 г.²⁾ Зимой оно прибыло въ Польшу. Болеславъ Силезскій велѣлъ проводить монаховъ до Конрада, князя Ленчицкаго. Оттуда они направились въ галицко-волинскую землю, гдѣ не застали Данила, бывшаго у татаръ. Даниилъ отправился въ Орду для умоливленія хана, потребовавшаго у него Галича по навѣтамъ Михаила Черниговскаго³⁾. Послы первые, повидимому, завели рѣчь объ уніи и отъ имени папы убѣждали Василька и епископовъ присоединиться къ римской церкви. О томъ, что Романовичи уже до того времени обращались къ папѣ, ПIANO-Карпини, который несомнѣнно зналъ бы о томъ, не упоминаетъ въ этомъ мѣстѣ своего разсказа⁴⁾. Вообще весь тонъ

1) Въ буллѣ 21 марта 1245 г. къ Коломану папа просилъ его, между прочимъ, *ut nonnullos Minoritas animis, religione et doctrina praestantes benigne excipere, eorum dictis adhibere fidem, ac proficiscentium ad Tartaros aliasque gentes remotissimas diplomate regio securitati cavere velit.* Potth., № 11606.

2) Въ Raynaldi Annales Ecclesiastici XIII, Coloniae MDCXCIII, p. 538, № 15 и слѣд. говорится объ отправленіи пословъ къ татарамъ предъ описаніемъ Ліонскаго собора, но минориты были въ Польшѣ въ концѣ 1245 г. или въ первыхъ числахъ января 1246 г., слѣдоват. выѣхали изъ Ліона незадолго до того. Два съ лишнимъ вѣка спустя венеціанецъ Контарини прибылъ въ Венецію чрезъ мѣсяць по выѣздѣ изъ Плоцка. У ПIANO-Карпини есть нѣсколько указаній на встрѣченныхъ имъ у татаръ русскихъ князей, и по этимъ указаніямъ можно опредѣлить время его пребыванія тамъ; см. стр. 38, 52, 84, 86, 88, 214 и др. (Ср. „Княж. Дан. Гал.“, 137). Не знаемъ, какъ истолковать его выраженіе, что его путешествіе продолжалось годъ и 4 мѣсяца: оно началось въ исходѣ 1245 г. и окончилось въ 1247 г.

3) Такую догадку высказалъ Палаузовъ: „Ростиславъ Михайловичъ, Спб. 1851“, стр. 15—16, и это предположеніе весьма вѣроятно, между прочимъ въ виду того, что татары потребовали отъ Данила не Волини, на которую Михаилъ не имѣлъ правъ, но Галича.

4) ПIANO-Карпини говоритъ объ аббатѣ, посланномъ Романовичами къ папѣ, при описаніи своего обратнаго проѣзда чрезъ Русь въ 1247 г. Если бы даже выраженіе ПIANO-Карпини о томъ, что Даниилъ и Василько, при

повѣствованія его исключаетъ возможность предположенія, что починъ въ переговорахъ принадлежалъ Даниилу ¹⁾. По словамъ ПIANO-КАРПИНИ, послы читали Васильку и епископамъ папскую грамоту, но въ регистрахъ не находимъ особенной буллы къ русскимъ, которая была бы написана въ 1245 г. или въ январѣ 1246 г., когда французсканцы были въ галицко-волинской землѣ ²⁾. По всему видно, монахи прочли буллу общаго содержания, изданную въ 1245 г. вообще къ греко-восточному духовенству ³⁾, и въ этомъ мы видимъ новое подтвержденіе, того

свиданія съ послами во время возвращенія ихъ, подтвердили „omnia, quae prius de hac materia per Abbatem suum transmiserunt“, толковать такъ, что посольство было отправлено Романовичами предъ первымъ прибытіемъ къ нимъ миноритовъ, то и тогда нельзя не признать, что папа, при отправленіи пословъ къ татарамъ, еще не зналъ о посольствѣ Даниила и порѣшилъ первый завести сношенія. Но намъ кажется, что папа не давалъ особаго порученія миноритамъ къ Романовичамъ, и что первые сами возымѣли мысль склонять юго-западную Русь къ униі. На чемъ О. Wolff основалъ свое утвержденіе, что „Daniel von Halicz hatte schon 1244 durch polnische Vermittlung dem Papste Innocenz IV wissen lassen, dass er nicht abgeneigt sei zur lateinischen Kirche überzutreten“ (Gesch. d. Mongolen oder Tartaren, Breslau 1872, 387), онъ не поясняетъ (кажется, онъ послѣдовалъ Штрау); равнымъ образомъ неизвѣстно, откуда онъ взялъ о двукратной поѣздкѣ Даниила въ Орду.

¹⁾ Приведемъ это мѣсто разсказа ПIANO-КАРПИНИ: Васильку „cum rogatus a nobis fecisset Episcopos suos venire, legimus eis litteras Domini Papae, monentis eos, ad sanctae matris Ecclesiae unitatem redire. Ad idem quoque nos ipsi menuimus eos et *induximus, quantum potuimus*, tam Ducem quam Episcopos et alios“.

²⁾ Могутъ сказать, что булла къ Романовичамъ не была занесена въ регистры, какъ и нѣкоторыя другія буллы Иннокентія IV (см. о сборникахъ, въ которыхъ сохранились эти буллы, въ ст. Kallenbrunner'a: „Römische Studien. I. Die päpstlichen Register des 13. Jahrh.“ въ Mittheil. d. Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung“ 1884 и въ Introduction къ „Les reg. d'Innoc. IV“); но и другія обстоятельства (см. ниже) говорятъ противъ написанія такой буллы.

³⁾ Булла эта была подписана 25 марта 1245 г. Въ ней папа „Universos patriarchas, archiepiscopos, *episcopos* in terris Bulgarorum, Blacorum, Gazarorum... ceterorumque christianorum Orientis rogat et obsecrat, ut *ad unitatem sacrosanctae Romanae ecclesiae redeant* eisque fratres ordinis fratrum

что до 1246 г. Романовичи не обращались къ папѣ; иначе послы привезли бы Данилу прямой отвѣтъ. Изъ Владиміра-Волынскаго послы двинулись въ Кіевъ, откуда въ началѣ февраля оправились далѣе. Гдѣ-то за Днѣпромъ, быть можетъ у Батыя, они встрѣтились съ Даниломъ ¹⁾ и предложили ему тоже, что говорили Васильку. Въ то время Даниль находился подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ поѣздки въ Орду. Южнорусскій лѣтописецъ отмѣчаетъ мрачное настроеніе князя, который весьма скорбѣлъ. Гордому князю казалось въ высшей степени унижительнымъ подчиненіе варварамъ, и онъ съ радостью бросился на встрѣчу сверкнувшему ему лучу надежды на освобожденіе изъ тягостнаго ига. Даниль началъ лелѣять обширный политическій замыселъ ²⁾. Въ то время онъ еще вѣрилъ въ силу папскаго слова и

Minorum latores presentium commendat“. Potthast, p. 985, № 11613. Сл. отмѣченныя разрядкою слова буллы со словами Пано-Карпини о содержаніи читаннаго имъ папскаго посланія. Замѣчательно далѣе, что, согласно съ содержаніемъ указываемой нами грамоты, и послы обратились прежде всего къ епископамъ и самую грамоту не вручили имъ, но лишь прочли. Ср. Pichler, Geschichte der Kirchlichen Trennung, II, Münch. 1865, 29: „Diess war wohl ein Schreiben ohne bestimmte Aufschrift, das für solche Fälle die sich vorausschen liessen, der Papst den Legaten mitgegeben hatte“.

¹⁾ Въ числѣ свидѣтелей правдивости своихъ словъ Пано-Карпини называетъ „le Roi Daniel de Russie, avec toute sa suite étant près de Bathy et de Carbon (Тирбонъ на Дону?), qui avait épousé une soeur de Bathy“ (ивд. Языкова, стр. 212). Изъ этихъ словъ нельзя вывести, гдѣ въ первый разъ Пано-Карпини видѣлъ Данила: у Батыя, у Карбона, или на пути между Волгою и Дономъ, или между Дономъ и Днѣпромъ. По словамъ нашей лѣтописи, Даниль былъ у Батыя 25 дней, а Пано-Карпини, выѣхавшій изъ Кіева въ началѣ февраля, былъ у Батыя отъ великаго четверга до дня Пасхи. На обратномъ пути Пано-Карпини употребилъ на поѣздъ отъ Батыя до Кіева время отъ Вознесенія до 9 іюня 1247 г. О скорости тогдашней ѣзды можно составить также понятіе по словамъ Рубруквиса: „Et durat ista terra in longitudine a Danubio usque Tanaim: qui est terminus Asiae et Europae, itinere duorum mensium velociter equitando prout equitant Tartari“. Hakluyt's Collection, p. 89.

²⁾ По мнѣнію Репеля, уже до пріѣзда Данила, во время бесѣды съ миноритами, Василькомъ былъ „angebahnt ein Plan zur Befreiung von und Sicherstellung gegen die Mongolen, wie gegen die christlichen Nachbarn“. Ср. Engel, 563—564; Pichler, II, 29.

готовъ былъ думать, что оно двинетъ противъ татаръ закованные въ желѣзо полки запада. Даниилъ порѣшилъ примкнуть къ этому католическому союзу и немедленно по возвращеніи отъ татаръ (вѣроятно, въ апрѣлѣ 1246 г.) позаботился довести до свѣдѣнія папы о своей покорности папскому престолу¹⁾. Булла папы къ Даниилу отъ 3 мая 1246 г.—первая изъ непосредственно обращенныхъ къ этому князю и видимо заключала отвѣтъ на обращеніе Даниила²⁾. Въ буллѣ къ доминиканцу Альберту³⁾, архіепископу Прусскому и Эстонскому, который былъ назначенъ папскимъ легатомъ въ Русь, папа принималъ впервые рѣшительныя мѣры для утвержденія католичества въ юго-

¹⁾ ПIANO-КАРПИНИ говоритъ (стр. 62), что Даниилъ и Василько свое согласіе на предложеніе папы „per Abbatem suum transmiserant“. Неизвѣстно, были ли завязаны въ 1246 г. сношенія непосредственно съ папою, или же Даниилъ обратился къ посредству папскаго легата Описо, что утверждаетъ ДЛУГОШЪ (Описо былъ назначенъ легатомъ въ Пруссію въ октябрѣ 1245 г.). Буллы не даютъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Въ одной (Hist. Russ. Monim., I, № LXV) читаемъ: „ad devotionem et obedientiam Apostolicae sedis et nostram redire, sicut accepimus, affectetis“..... Жизнеописатель Иннокентія IV такъ говоритъ о сношеніяхъ съ Русью: „Ad Rutenos quoque, qui ad Romanam curiam suos solennes nuntios destinarunt, ut eis legatos mitteret, per quem instruerentur et informarentur in fide catholica, cum more graecorum et ritu viverent, missus est dominus Albertus, archiepiscopus Livoniae et Prussiae. Ubi quidem ad regem subsequenter ab apostolica sede legatus missus dominus abbas de Mazario (I. Mezano), qui coronavit eundem“. Альбертъ, какъ увидимъ, отправился къ Даниилу не ранѣе 1247 (1249?) года. Торжественное посольство Даниила было у папы также въ 1247 г.; въ 1246 г. о рѣшеніи Даниила сообщилъ, по словамъ ПIANO-КАРПИНИ, лишь одинъ аббатъ. На этомъ основаніи мы относимъ факты, переданные въ только что приведенныхъ словахъ, къ 1247 г. Во всякомъ случаѣ, и изъ свидѣтельства біографіи Иннокентія IV видно, что въ отвѣтъ на посольство Даниила былъ назначенъ легатомъ Альбертъ, а о болѣе раннихъ послахъ Даниила нѣтъ упоминанія и здѣсь.

²⁾ Въ буллѣ этой говорится о Данииловыхъ vota, petitiones et supplicationes. Turg. Hist. Russ. Monim., I, № LXII.

³⁾ Въ Hist. Russ. Mon. I, № LXI, ошибочно названъ Генрихъ. См. Berger № 1817 и Bonnell, Russisch-liwländische Chronogr. St.-Petersb. 1862, 62—63.

западной Руси, поручая поставить епископовъ изъ проповѣдниковъ, мноритовъ и другихъ орденовъ и изъ свѣтскихъ клериковъ. Архіепископъ Прусскій былъ назначенъ „повѣдать слова жизни и полнѣе изложить волю“ папы¹⁾. Въ буллѣ къ Іоанну папа говоритъ, что сердца Русскихъ недавно просвѣщены²⁾. Ясно, что сношенія тогда только начались. Папа рекомендовалъ Прусскаго и Эстонскаго архіепископа „всѣмъ вѣрующимъ во Христа, пребывающимъ въ предѣлахъ Руси“, и высказывалъ желаніе, чтобы они достойно приняли посла, слѣдовали его наставленіямъ и оказывали бы ему содѣйствіе. Папа имѣлъ въ виду вообще православный людъ галицко-волинскихъ земель, которій, согласно начатымъ съ Даниломъ переговорамъ, считался изъяснившимъ покорность Римской церкви³⁾.

Изъ изложеннаго можно видѣть, что переговоры Данила съ папою начались въ первые мѣсяцы 1246 г., послѣ свиданія съ папскими послами, отправленными къ татарамъ; сами послы, быть можетъ, и не имѣли *спеціального* порученія къ Данилу и Васильку и обратились къ нимъ по совѣту поляковъ⁴⁾, которые и впоследствии принимали участіе въ этихъ сношеніяхъ⁵⁾. Папа вошелъ въ непосредственные пере-

1) Ut verba vite deferret et nostram (et fratrum nostrorum plenius) voluntatem exponeret. Hist. Russ. Monim. I, № LXV.

2) „...nuper illuminata sint corda...“ Поттгасть исправляетъ надписаніе буллы: „Iohanni regi Russiae“: legatur *Danieli* (№ 12097, p. 1025). Имя Іоанна носилъ Владиміръ Васильковичъ (Ип. 604), но булла не могла быть обращена къ нему.

3) Это видно изъ обращенія папы: „Sane cum in partibus vestris mores et ritus grecorum, qui superstitiose ac dampnabiliter ab unitate ecclesiastica recesserunt, fuerint *hactenus* non sine animarum periculis observati, et nuper gratia favente divina illuminata sint corda vestra“ etc... Булла эта напечатана и въ монографіи „Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Estland, Geschichtliche Darstellung von P. v. Goetze, St.-Petersb. 1854“, 171—172.

4) Повидимому, такое мнѣніе раздѣляетъ г. Голубинскій. См. выше слова Пано-Карпини. Въ числѣ товарищей Пано-Карпини былъ полякъ Бенедиктъ. Принимала ли какое-либо участіе въ планѣ уніи Гремислава, мать Болеслава Стыдливаго, которой приписываютъ приглашеніе францисканъ въ Краковъ, неизвѣстно.

5) Въ 1253 г. папскіе послы, везшіе королевскія регалии, ожидали Да-

говоры съ Данииломъ въ отвѣтъ на полученное извѣстіе о согласіи послѣдняго приступить къ уніи, не ранѣе 3 мая 1246 г.¹⁾

V. Прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ переговоровъ Даниила съ папой.

Мы вновь встрѣчаемся съ какимъ-то не разъясненнымъ участіемъ братьевъ проповѣдниковъ. Одновременно съ легатомъ были назначены для постоянного пребыванія при Даниилѣ, *по его просьбѣ*, какой-то братъ Алексѣй, и его товарищъ, бывшіе прежде въ Чехіи²⁾, и имъ были предоставлены тѣже права, какія были даны посламъ къ татарамъ³⁾.

Переговоры однако подвигались крайне медленно и не приводили къ окончательному исходу.

нила въ Краковѣ (Ип. 548). По словамъ Длугоша, польскіе епископы, и въ особенности Краковскій, сопротивлялись коронованію Даниила, но наша лѣтопись говоритъ, что Даниила убѣдили принять королевскій вѣнецъ, между прочимъ, польскіе князья.

¹⁾ На то, что начинаніе въ переговорахъ принадлежало католичеству, какъ бы намекаетъ и наша лѣтопись, которая говоритъ (Ип., 549): „Некентии бо клянѣше тѣхъ хуляцимъ вѣру Грѣцкую правовѣрную, и хотищу ему сборъ творити о правой вѣрѣ о воединеніи церквы“. Эти слова указываютъ на содержаніе буллы, читанной францисканами; соборъ разумѣлся, вѣроятно, Лионскій; ср. указанную выше буллу 25 марта 1245 г. Позднее упоминаніе этого факта въ галицко-волинской лѣтописи согласно съ отсутствіемъ въ ней строго-хронологическаго распорядка. Впрочемъ, папа могъ имѣть въ виду и новый соборъ. См. ниже. Не знаемъ, на чемъ основано мнѣніе Штраля о посылкѣ Данииломъ пословъ къ папѣ въ 1244 г. Strahl, *Gesch. d. russ. Staates*, Hamb. 1839, II, 43.

²⁾ Гдѣ познакомился съ ними Даниилъ, неизвѣстно, можетъ быть—въ Польшѣ, а можетъ быть послѣ татарскаго нашествія домицикане вновь посѣщали Русь. Предписывая поставити епископовъ для Руси, папа велѣлъ избирать ихъ изъ проповѣдниковъ, миноритовъ и другихъ монаховъ; очевидно, предпочтеніе отдавалось названнымъ орденамъ въ виду заслугъ ихъ въ пропагандѣ. Назначеніе для нахожденія при Даниилѣ домициканъ, пребывавшихъ въ Чехіи, не свидѣтельствуетъ ли, что въ Россіи не было въ то время постояннаго мѣстопробыванія католическихъ монаховъ? Съ этимъ согласуется и отсутствіе упоминаній о такихъ монахахъ у Плато-Карпини.

³⁾ „...eandem auctoritatem quam habent hii qui sunt ad Tartaros destinati“. *Hist. Russ. Monim.*, I, № LXIII.

Плано-Карпини и его спутники, возвращаясь изъ Татаріи, вновь проѣзжали чрезъ галицко-волинскую землю. Они были задержаны Данииломъ и Василькомъ, противъ своей воли, на восемь дней. Князья устроили въ честь монаховъ большое празднество, угощали ихъ и въ то же время совѣщались съ епископами и боярами о томъ, что было говорено послами еще во время проѣзда ихъ къ татарамъ. Князья подтвердили выраженное прежде чрезъ аббата согласіе признать покровительство паны и отправили вмѣстѣ съ монахами своихъ пословъ къ папѣ и грамоты ¹⁾. Это было, повидимому, первое прямое посольство отъ Даниила къ папѣ ²⁾. Оно состояло изъ доминиканъ, находившихся при Даниилѣ, и какого то Григорія ³⁾.

По прибытіи пословъ въ Ліонъ ⁴⁾, папа 12 сентября 1247 г. велѣлъ Прусскому архіепископу отправиться къ Даниилу удостовѣриться, твердо ли онъ, епископы и вельможи намѣрены присоединиться къ римской церкви, и, если каждый изъ нихъ отречется отъ раскола и

¹⁾ Плано-Карпини, изд. Языкова, 62.

²⁾ Hist. Russ. Monim, I, № LXXII: „Daniel Rex Russie illustris... per *litteras speciales* et nuntios quos propter hoc transmisit nuper ad nostram presentiam, cum humilitate ac instantia postulavit“...

³⁾ Не Григорій ли это, настоятель монастыря въ Полонинѣ, о которомъ лѣтопись сообщаетъ, что „Григорій бѣшетъ челоуѣкъ святъ, акогоже не бытъ передъ нимъ и ни по немъ не будетъ“ (Ип. 568). Авторъ монографіи о русскихъ монастыряхъ, помѣщенной въ „Шематизмъ провинціи св. Спасителя чина св. Василия великаго въ Галиціи“, Львовъ 1867, стр. 163, замѣчаетъ: „Полонинскій монастырь стоялъ десь не вдали отъ Галича... чи не есть то монастырь Заневъ въ Угорцинѣ близко границъ галицкои, который зове ся такожъ „Полонинскій“.— Монастырь св. Данилія, упоминаемый лѣтописью въ Угровскѣ (Ип. 573), вѣроятно, не можетъ быть отождествляемъ съ mons „Sancti Danielis“, а равно не тождественна съ послѣднею Святая Гора, упоминаемая лѣтописью. Это послѣднее названіе не свидѣтельствуетъ ли о вліяніи Аѳона? Г. Шараневичъ видитъ слѣдъ сношеній съ Аѳономъ въ наименованіи одной галицкой церкви Пантелеймоновою.— Быть можетъ, Григорія, который названъ въ папской грамотѣ „*abbas de monte sancti Danielis*“, разумѣлъ и Плано-Карпини.

⁴⁾ Это прибытіе состоялось, вѣроятно, въ концѣ августа, потому что сохранился рядъ буллъ къ Даниилу и др., помѣченныхъ 27 августа 1247 г. Les. reg. d'Innoc. IV, p. 485, №№ 3221—3225.

дать клятву соблюдать единение съ римскою церковію, возсоединить ихъ съ нею ¹⁾.

Миссія легата не увѣнчалась успѣхомъ. Длугошъ сообщаетъ даже подъ 1249 г. ²⁾, что „безчувственный и мятежный“ Даниилъ не повиновался апостольскому разслѣдованію, сталъ не послѣдователемъ Римской церкви, но ея врагомъ и отпустилъ апостольскаго легата Альберта „безъ почтенія“ (*sine honore* ³⁾). Это послѣднее выраженіе нѣкоторые считаютъ произвольною прибавкою Длугоша и сомнѣваются въ справедливости этого извѣстія ⁴⁾, но намъ оно не кажется безусловно невѣрнымъ: папская булла 1251 г. къ Миндове принимала подъ покровительство Петра Литовское королевство и всѣ земли, которыя король уже исторгъ изъ рукъ невѣрныхъ или могъ отнять въ будущемъ; не свидѣтельствуетъ ли эта булла о томъ, что Даниилъ былъ тогда въ немилости у папы? Угорскій король примирилъ Даниила съ папою, но лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ ⁵⁾. Поводомъ къ разрыву послужилъ, вѣроятно, отказъ Даниила дать клятвенное обязательство, котораго требовалъ легатъ ⁶⁾.

¹⁾ По тексту Тургенева (*Hist. Russ. Monim.*, № LXXIII) Альберту было предоставлено право носить палліумъ въ предѣлахъ Руси и Любускаго епископства, но Поттгасть *vm. Russiae* читаетъ *Prussiae*, также и Berger, *Les reg.*, p. 489, № 3256; мы отдаемъ предпочтеніе Тургеновскому тексту: въ регистрахъ *vm. „Rusciae“* писали иногда „Pruscie“—*Les reg.*, p. 488.

²⁾ Правильнѣе отнести поѣздку Альберта къ 1248 г.: Bonnell, *Russ. Hwl. Chronogr.*, 65.

³⁾ Col. 713. Извѣстіе о томъ, что Альбертъ былъ возведенъ въ санъ русскаго архіепископа, встрѣчается только у Длугоша. О титулѣ *ep. Rutheniensis* см. у Bonnell'я 86 и 84.

⁴⁾ Girgensohn, *Kritische Untersuchung über das VII. Buch der Historia Polonica des Dlugosch*, Göttingen 1872, 70. Можно согласиться съ Гиргензономъ лишь въ томъ, что, если бы Даниилъ обошелся слишкомъ рѣзко съ папскимъ посломъ, сношенія папы съ княземъ потомъ не возобновились бы.—Törppen (*Gesch. Mazurens, Danzig* 1870, 20) готовъ думать, что Альбертъ въ 1249 г., опираясь на покровительство Даниила, назначилъ епископа Судавіи.

⁵⁾ Engel, *Geschichte von Halitsch u. Wladimir*, 1796, s. 570—571.

⁶⁾ Впослѣдствіи (вѣроятно—при коронаваніи) Даниилъ могъ дать требовавшееся отъ него клятвенное обѣщаніе, потому что о томъ говоритъ булла Александра IV—1257 г.

VI. Чтожъ была за причина того, что уніа не осуществлялась несмотря на то, что Даниилъ уже въ 1246 г. изъвѣлялъ готовность приступить къ ней?

Отвѣтъ на это дастъ намъ выясненіе побужденій, которыми руководились обѣ стороны при переговорахъ обѣ уніи, тѣхъ уступокъ, какія были сдѣланы ими для достиженія единенія, и жертвъ, принесенныхъ ими.

Иннокентій IV, пытаясь склонить къ уніи юго-западную Русь, имѣлъ въ виду двоякую цѣль, религіозную и политическую. Онъ продолжалъ извѣчныя попытки папъ подчинить православный востокъ авторитету Римскаго престола¹⁾ и въ тоже время стремился осуществить задуманный имъ политическій планъ. Со времени перваго татарскаго нашествія охраненіе католическаго запада отъ новыхъ вторженій татаръ составляло предметъ постоянныхъ заботъ папы, и о мѣрахъ для такой защиты разсуждали и на Ліонскомъ соборѣ²⁾. На западѣ были увѣрены, что въ татарскихъ полчищахъ сражались и христіане (*pessimī christiani*). Такъ какъ юго-западная Русь находилась на пограничьи католическаго міра съ татарами, то папѣ было весьма важно пріобрѣсти въ лицѣ Даниила сильнаго союзника, который могъ бы сообщать вѣрныя свѣдѣнія о замыслахъ татаръ³⁾. Ясно отсюда, что глава католичества и католическіе сосѣди Даниила имѣли не менѣе послѣдняго основанія искать взаимнаго сближенія. Папа обратился первый къ Даниилу, какъ въ 1248 г. онъ же пытался привлечь Александра

1) Мы упоминали уже о приглашеніи на Ліонскій соборъ, которое было послано православнымъ народностямъ востока. См., далѣе, ст.: „Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной“ и пр. въ Христ. Чтеніи 1867, октябрь.

2) Въ 17-мъ постановленіи этого собора читаемъ: „*Nos enim in tam necessariis et utilibus expensis, quas ob id feceritis, contribuemus magnifice, ac ab omnibus Christianorum regionibus, cum per hoc occurratur communibus periculis, proportionaliter contribui faciemus: et nihilominus super his aliis Christi fidelibus, per quorum partes habere posset aditum gens praedicta, litteras praesentibus similis destinamus*“. Harduin, *Acta conciliorum et epistolae decretales*, T. VII, Par. MDCCXIV, p. 392.

3) См. ниже о побужденіяхъ, которыя заставили угорскаго короля искать союза съ Данииломъ.

Невскаго¹⁾ и какъ ранѣе Иннокентій III искалъ сближенія съ отцомъ Даниїла Романомъ, а Григорій IX съ Юріемъ Всеволодовичемъ (въ 1231 г.). Папы, очевидно, постоянно старались склонить на свою сторону авторитетнѣйшихъ князей.

Таковы были побужденія Иннокентія IV къ началю переговоровъ съ Даниїломъ объ уніи. Въ данномъ случаѣ папу и католичество нельзя заподозрить въ нечестности, іезуитизмѣ и хожденіи кривыми путями, какими обыкновенно дѣйствовала католическая пропаганда, стараясь водворить унію. Папа, быть можетъ, не хитрилъ, обѣщая Даниїлу помощь противъ татаръ, и на первыхъ порахъ и самъ могъ вѣрить въ возможность крестоваго похода противъ нихъ. Онъ обнадеживалъ въ томъ не только Даниїла, но и угорскаго короля. 4 февраля 1247 г. папа убѣждалъ Белу приготовляться мужественно къ отпору татарамъ и, по полученіи вѣрныхъ извѣстій о походѣ ихъ противъ угровъ, немедленно сообщать о томъ папской куріи, чтобы папа могъ поскорѣ двинуть на помощь ему всѣхъ принявшихъ крестъ на защиту Римской имперіи и св. земли²⁾. 24 іюля 1248 г. папа побуждалъ госпиталитовъ, находившихся въ Венгріи, къ составленію крестоваго похода противъ татаръ на защиту Венгріи³⁾.

Взглянемъ теперь, чего искала въ уніи юго-западная Русь.

Нельзя предположить съ ея стороны чисто религіозныхъ побужденій въ согласіи на сдѣланное ей предложеніе со стороны папства. По всему видно, русскіе князья, духовенство и народъ съ самаго начала усматривали въ переговорахъ объ уніи печальную политическую необходимость и заботились преимущественно о тѣхъ политическихъ выгодахъ, которыя могли извлечь изъ нея. Вслѣдствіе того русскіе были весьма скупы въ религіозныхъ уступкахъ.

Характерно въ этомъ отношеніи уже то, что Даниїль, выросшій въ Польшѣ и Венгріи, до путешествія въ Орду и до встрѣчи съ миссионерами не думалъ о переговорахъ съ Римомъ, а между тѣмъ планъ

¹⁾ См. слова папскихъ пословъ въ житіи Александра Невскаго: „папа нашъ тако глаголетъ: слышахомъ ты князя честна и дивна, и земля твоя велика; сею ради прислахомъ къ тебѣ“...

²⁾ Les reg. d'Innoc IV, p. 443, № 2957.

³⁾ Ibid., p. 605, № 4000.

сопротивленія татарамъ созрѣлъ въ мысли Даниіла уже до поѣздки его къ татарамъ ¹⁾.

Даниіль повѣрилъ словамъ папскихъ пословъ, понадѣялся, что общая опасность сплотить, по зову папы, католическій западъ противъ татаръ подъ знаменемъ вѣры, какъ нѣкогда ополченія запада двигались въ Палестину, и рѣшилъ покориться необходимости и признать главенство папы. Даниіль увлекся идеею общехристіанскаго союза (безъ различія вѣроисповѣданій) противъ поганыхъ ²⁾ и возвысился надъ узкимъ фанатизмомъ, но при этомъ съ начала до конца держалъ себя съ достоинствомъ, отстаивалъ честь своей церкви и не былъ склоненъ къ излишнимъ, чрезмѣрнымъ и полнымъ уступкамъ. Онъ дѣйствовалъ открыто и честно и сразу ставилъ ясно условія единенія въ вѣрѣ съ Римскою церковію: изъявляя согласіе признать верховенство папы, Даниіль одновременно, какъ видно изъ буллъ 1246 и 1247 гг., просилъ папу о принятіи его и Василька съ землями подъ охрану св. Петра. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ходатайствовалъ предъ папою о сохраненіи южно-русскою церковію по возможности отличій православія ³⁾.

¹⁾ По словамъ лѣтописи, когда татарскій посолъ явился къ Даниілу съ требованіемъ Галича, Даниіль „бысть въ печали велицѣ, зане не утвердилъ бы землю своєю городы“: значитъ, уже тогда Даниіль думалъ объ обороноѣ своей земли посредствомъ укрѣпленій, которыя потомъ и устроилъ.

²⁾ Посылая звать Ляшскихъ князей противъ Ятвяговъ, Даниіль поручилъ сказать, „яко время есть христьяномъ на поганѣе“ (Ип., 541).

³⁾ О томъ, до какихъ предѣловъ доходила готовность Даниіла подчиниться вѣроученію Римской церкви и въ чемъ должна была состоять унія, имѣются троякія свидѣтельства. По словамъ Пано-Карпини, Даниіль, Василько, епископы и лучшіе люди „responderunt communiter dicentes: quod Dominum Patrem habere vellent in *specialem* Dominum, et in patrem, sanctam quoque Romanam Ecclesiam in dominam et magistram“. Не означаетъ ли это, что Даниіль признавалъ верховенство римской церкви и папы и единеніе съ ними и этимъ ограничивалъ унію? Наша лѣтопись сообщаетъ, что Даниіль „вѣнѣць отъ Бога прия, отъ церкви святыхъ Апостоль и отъ стола святаго Петра, и отъ отца своего папы Некѣнтія и отъ всихъ епископовъ своихъ“ (Ип., 548). Въ лѣтописномъ извѣстіи интересны послѣднія слова. Въ одной изъ буллъ, относящейся къ началу переговоровъ, находимъ выраженія, подходящія къ словамъ Пано-Карпини: папа выражалъ въ 1246 г. радость по поводу того, что „Русскіе признали римскую церковь „матерью

Папа выслушивалъ просьбы Данила касательно догматической и обрядовой стороны уніи и исполнялъ его желанія, „насколько это было согласно съ волею Божіей¹⁾“, но едвали охотно и искренно²⁾. Буллы говорятъ объ одной такой уступкѣ: папа разрѣшилъ русскимъ епископамъ и пресвитерамъ совершать богослуженіе на заквашенномъ хлѣбѣ, а равно и другіе обряды, не противорѣчивіе католическимъ обычаямъ³⁾.

Какъ было сказано, Даниль ставилъ главнымъ условіемъ уніи помощь противъ татаръ. Папа не былъ въ состояніи исполнить это требованіе и стараясь оттянуть удовлетвореніе его, писалъ 22 января 1248 г. Данилу, что „можно лучше избѣжать опасности, если пред-

и учительницей всѣхъ другихъ, а папу намѣстникомъ св. Петра“ (ср. буллу 1247 г. въ Hist. Russ. Mon. I, 64) и поручалъ Альберту воссоединить русскихъ съ римскою церковію, если они поклянутся соблюдать въ единеніи съ нею проповѣдуемую ею вѣру, *scismate quolibet penitus abjurato*. Обѣщаніе Данила перейти со всѣми подвластными ему землями въ повиновеніе Римской церкви и общеніе съ нею, *Graecorum ritu derelicto* (lib. VII, col. 705 — 706), а равно слѣдовать *fidem, ritum et caerimonias Romanae ecclesiae* (тамже и col. 779) измышлено Длугошемъ

¹⁾ *Quantum cum Deo possumus*. Это выраженіе повторяется нѣсколько разъ въ буллахъ. Что оно касается обрядности, видно изъ Hist. Russ. monim. I, 62. Григорій IX приглашалъ въ 1231 г. Юрія Всеволодовича принять „*ritus et mores christianorum latinorum*“. Иначе писалъ Иннокентій IV къ Александру Невскому.

²⁾ Папа продолжалъ осуждать православную церковь даже въ буллахъ къ русскимъ. Въ буллѣ 3 мая 1246 г. (подлинныя слова приведены выше) ко всѣмъ вѣрующимъ во Христа въ Руси и къ Данилу папа выразился о грекахъ, что они отступили отъ церковнаго единства, за что достойны осужденія; греческій обрядъ господствовалъ въ русской землѣ съ опасностію для душъ. Въ буллѣ къ легату 1247 г. папа называлъ вѣру русскихъ схизмою. Въ укорительной буллѣ 1257 г. Александръ IV писалъ: „*Sane tu olim cupiens de infidelitatis tenebris, quae postquam etiam renatus fuisti fonte baptismatis oculos tuae mentis involverant, ad lumen catholicae fidei, sine qua nemo salvatur*— —redire promisisti“.

³⁾ Въ 1244 г. тотъ же папа разрѣшилъ братьямъ проповѣдникамъ, проповѣдывавшимъ у восточныхъ народовъ, общеніе съ послѣдними въ словахъ, служеніи и пищѣ (Les. reg., p. 99, № 573). Флорентійскій соборъ

варительно укрѣпиться противъ нея“; онъ просилъ Данила сообщать о движеніи татаръ по направленію къ христіанскимъ предѣламъ—по полученіи извѣстій о томъ—братьямъ Тевтонскаго ордена, пребывавшимъ въ Россіи, а послѣдніе должны были поскорѣе доводить о томъ до свѣдѣнія папы; папа могъ тогда „лучше обдумать, какъ мужественнѣе съ Божіею помощію противостать этимъ татарамъ ¹⁾“. Очевидно, что Данилу пришлось бы долго ожидать помощи, еслибы папа принялся за изысканіе мѣръ противъ татаръ только по полученіи извѣстія объ ихъ походѣ.

Взаимнѣе помощи папа пытался польстить тщеславію Данила, предлагая ему *по собственной инициативѣ* королевскій вѣнецъ и надѣляя его такимъ же титуломъ, какой носилъ прежде Коломанъ (*Rex Ruthenorum* ²⁾). Папа титуловалъ Данила королемъ ³⁾ сразу, еще до коронаціи, а также Василька ⁴⁾. По отреченіи Данила отъ уніи Александръ IV указывалъ въ укорительной буллѣ преимущественно на это благодѣяніе. Данилъ хорошо понималъ значеніе приманки, которою хотѣли его привлечь, и, нисколько не увлекаясь побужденіями тщеславія, долго отклонялъ предложенную корону и не желалъ связывать себя ею, не заручившись существовою поддержкою. Послѣ примиренія Данила съ папою въ 1252 г. ⁵⁾, послѣдній прислалъ князю чрезъ епископовъ Беренскаго и

1439 г. также постановилъ: „*Quod Presbyteri in fermentato celebrare ac sub alia forma quam Romana baptizare, videlicet: Baptizatur servus Dei in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, Amen; item quod ordinati in sacris matrimonio antipsorum sacrorum ordinum susceptionem contracto uti,—venerandumque sacramentum sub utraque specie omnibus etiam pueris ministrare possint*“.

¹⁾ Hist. Russ. Monim. 68—70.

²⁾ Бела и Ростиславъ Михайловичъ носили титулъ князей Галиціи. Жена Ростислава также титуловалась *Ducissa Galitiae*. См. Палацкаго „О русскомъ князѣ Ростиславѣ“, перев. Бодянскаго, М. 1846, 13—14.

³⁾ Булла 3 мая 1246 г. надписана: *Regi Russie illustri*.

⁴⁾ Данилъ именовался въ буллахъ *Rex Russie*, а Василько—*Rex Laudomeriae* или *Ladomeriae*. См. буллы 27 августа и 5 декабря 1247 г. Булла къ Александру Невскому была надписана: *Alexandro — duci Susdaliensi*; но въ буллѣ 1231 г. папа называлъ Юрія Суздальскаго королемъ, а равно *reges* названы русскіе князья въ буллѣ 1227 г.

⁵⁾ Ранѣе не могла состояться присылка епископовъ Беренскаго и Ка-

Каменецкаго ¹⁾ королевскій вѣнецъ со словами: „прими вѣнецъ королевства“, но Даниль не взялъ короны и отвѣтилъ: „ратъ Татарская не престаеъ злѣ живущи с нами: то како могу прияти вѣнецъ бес помощи твоей“ ²⁾? Этимъ Даниль давалъ понять, что онъ добивался не королевскаго титула, а освобожденія отъ татаръ, и указывалъ, быть можетъ, также на опасность, грозившую съ принятиемъ короны безъ дѣйствительной помощи отъ Запада.

Предвидя разрывъ съ татарами, Даниль принялъ королевскій титулъ нескоро, въ 1253 г. ³⁾. Повидимому, Даниль желалъ и тогда

менецкаго, потому что легатомъ былъ Альбертъ. Если-же разрывъ произошелъ изъ-за непринятія короны, то названные епископы могли явиться къ Данилу раньше, въ 1249 или слѣдующихъ годахъ. — Примиреніе Данила съ папою было устроено Угорскимъ королемъ въ 1252 г. Отвѣтомъ на посольство Данила явились буллы 1253 г.

¹⁾ По объясненію И. И. Шараневича (D. Нур.-Chron., 82), то были епископъ Брнскій (Оломуцкаго діоцеза) и епископъ Каменца, аббатства въ Любускомъ епископствѣ. Не видимъ основаній, почему бы не разумѣть здѣсь епископа Каменца въ Помераніи (ib. 83). Каменецкое аббатство въ Силезіи было заложено въ началѣ XIII в. и въ 1246 или 1249 г. досталось цистерціанцамъ, какъ догадываются—по причинѣ незначительнаго количества августинскихъ монаховъ, которымъ первоначально принадлежало. Małeckі, Klasztory i zakony w Polsce, Przewodnik nauk. i liter., Czerwiec 1875, 511. Сомнительно, чтобы епископу дѣлой провинціи усвоился титулъ по подобному аббатству.

²⁾ Ип., 548.

³⁾ Г. Шараневичъ (D. Нур.-Chron., 55 и 84) готовъ думать вопреки нашей лѣтописи, что Даниль самъ посылалъ къ папѣ за короной и что коронованіе произошло по окончаніи переговоровъ, и относить это событіе къ 1254 или къ 1255 г. Но папа и ранѣе, до окончанія переговоровъ, предлагалъ Данилу корону, да и послѣ коронованія переговоры могли продолжаться. Мы остаемся при прежнемъ мнѣніи, что коронованіе произошло осенью или въ началѣ зимы 1253 г., когда Даниль возвратился съ Чешскаго похода. Въ Чехіи Даниль былъ въ іюнѣ 1253 г., и папскіе послы съ короною ожидали его тогда въ Краковѣ. Даниль не пожелалъ бесѣдовать съ ними и отправился въ Холмъ, гдѣ пробылъ, повидимому, нѣкоторое время. Королевскій вѣнецъ Даниль принялъ, вѣроятно, отъ тѣхъ же пословъ. Соловьевъ напрасно утверждаетъ, что коронованіе Данила произошло въ слѣдующемъ году. Наши соображенія подтверждаются прямымъ

уклониться отъ навязываемой ему короны ¹⁾ и уступилъ, по словамъ лѣтописи, только совѣтамъ матери и обѣщаніямъ польскихъ князей и бояръ: убѣждая Даниіла принять вѣнецъ, они говорили: „а мы есмь на помощь противу поганымъ“. Польскимъ князьямъ было также интересно втянуть Даниіла въ католическій союзъ, какъ и Угорскому королю, который, по словамъ нашей лѣтописи, пожелалъ, наконецъ, породниться съ Даниіломъ, потому что боялся его, „яко быдѣ *бѣ в Татарихъ* ²⁾, побѣдою побѣди Ростислава и Угры его“. „Бысть же вѣдомо странамъ приходъ его веим ис Татаръ, яко Богъ спаслъ есть его“ ³⁾. Къ обѣщаніямъ польскихъ князей присоединилось увѣреніе папскаго легата, кардинала Описо: „помощь имѣти ти отъ папы“ ⁴⁾. Посоль могъ указать на папскую буллу, незадолго до того изданную ⁵⁾, и вызывавшую славянъ (Чеховъ, Моравянъ, Сербовъ и Поморянъ) противъ татаръ. Наконецъ, могло повліять на окончательное рѣшеніе Даниіла происшедшее предъ тѣмъ коронованіе Миндове ⁶⁾. Но, согласившись на коронованіе, Даниілъ, со свойственною ему осторожностію, могъ сдѣлать это не безъ оговорки: на это какъ бы указываютъ слова лѣтописи, что Иннокентій порицалъ хулителей „православной греческой

указаніемъ въ Rocznik'ѣ Krasińskich: „Anno Domini 1253 Daniel dux Russie in regem coronatur“. Monum. Pol. III, 132. Въ цитуемой ниже прусской грамотѣ 1254 г. Даниілъ названъ „primus rex Ruthenorum“.

¹⁾ По мнѣнію Карамзина и Соловьева, отказываясь говорить съ папскими послами въ Краковѣ, Даниілъ желалъ вторично уклониться отъ королевскаго вѣнца.

²⁾ Это извѣстіе нашей лѣтописи подтверждается до извѣстной степени письмомъ угорскаго короля къ папѣ отъ 11 декабря 1254 г., въ которомъ Бела говоритъ, что породнился съ Даниіломъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о замыслахъ татаръ, соблюдаемыхъ ими въ тайнѣ, и лучше противостать имъ. Ср. у Энгеля 569—570.

³⁾ Ип., 537.

⁴⁾ Тамъ-же, 548.

⁵⁾ Она была издана въ маѣ 1253 г. влѣдствіе настояній Даниіла: „Nuper clarissimo in Christo filio nostro Rege Russiae illustri, quem loci vicinitas suorum secretorum plerumque reddit participem, per litteras suas accepimus referente“ etc. Hist. Russ. Mon., I, № LXXXVIII.

⁶⁾ Даниілъ могъ пожелать короны изъ соревнованія, какъ догадывается Репелль (стр. 523).

вѣры“¹⁾ и обѣщаль составить соборъ для обсужденія вопроса „о правой вѣрѣ и соединеніи церквей“, если только это не прибавка самого лѣтописца въ оправданіе Даніила²⁾. Любопытно также выраженіе, что Даніилъ принялъ вѣнецъ отъ Бога, Апостольской церкви и стола Петра, отъ папы „и отъ всихъ епископовъ своихъ“³⁾.

Даніилъ придавалъ, повидимому, мало значенія готовившемуся торжественному событію, а можетъ быть опасался, какъ бы вѣсть о немъ не дошла до татаръ: обрядъ вѣнчанія совершился не въ стольномъ городѣ Даніила, а на далекой сѣверной окраинѣ его владѣній, безъ пышной обстановки, среди похода на Ятвяговъ; лѣтопись вовсе не упоминаетъ о какомъ-нибудь празднествѣ.

Опасенія Даніила были не напрасны. Татары какъ бы чуяли замыслы его, а можетъ быть и провѣдали о нихъ. Вскорѣ послѣ коронованія Даніила⁴⁾ они двинулись къ Бакотѣ. По всей вѣроятности, они хотѣли въ тотъ разъ захватить лишь этотъ городъ и влючить его въ число поддавшихся имъ другихъ южнорусскихъ городовъ, платившихъ дань чрезъ баскаковъ. Это видно изъ того, что татары ограничились поворностію Милѣя, сидѣвшаго въ Бакотѣ⁵⁾. Послѣ вторич-

¹⁾ Тому однако противорѣчатъ папскія буллы, какъ мы видѣли выше.

²⁾ Если папа обѣщаль созвать новый соборъ для обсужденія вопроса объ униі, то это послужило бы еще доказательствомъ, что Даніилъ не посылалъ никого на соборъ 1245 г. Въ 1252 г. папа обѣщаль Никейскому императору созвать соборъ.

³⁾ Не принимали ли эти епископы участіе въ коронованіи наравнѣ съ легатомъ? Чѣмъ выразилась униія въ церковной обрядности, неизвѣстно.

⁴⁾ По словамъ лѣтописи, первое движеніе татаръ на Даніиловы земли послѣ поѣздки Даніила въ орду произошло въ то время, когда Даніилъ пошелъ на Литву, на Новгородокъ: слѣдовательно, это случилось до примиренія съ Миндове, состоявшагося послѣ крещенія великаго князя литовскаго (не позже весны 1251 г.). Походъ могъ быть до крещенія Миндове или послѣ того (Ип., 542—544), но вѣрнѣе послѣднее предположеніе, потому что въ первомъ походѣ Левъ оставался, повидимому, съ отцомъ до конца, чего лѣтопись не говоритъ въ разсказѣ о послѣдующихъ походахъ. Притомъ въ лѣтописи читаемъ: „и бысть паки Бакота королева отца его“ (Ип., 550).

⁵⁾ О личности Милѣя существуетъ разногласіе. Карамзинъ и Петрушевичъ считали его ханскимъ баскакомъ, Зубрицкій—однимъ изъ Болоховскихъ или подобныхъ князей, Арцыбашевъ—градоначальникомъ; г. Молча-

наго покоренія Бакоты, татары обнаружили еще большую неприязненность: Куремса „воева около Кремянца“. Въ то время татары уже знали объ отпадении Даниила и его непокорности, и жителямъ пограничныхъ мѣстностей Данииловыхъ земель приходилось выбирать между повиновениемъ князю и присоединениемъ къ землямъ, „сидѣвшимъ за татарами“¹⁾.

Разрывъ былъ несомнѣнъ, и помощь съ Запада была настоятельно необходима Даниилу. Вѣроятно, для переговоровъ о ней Данииль отправилъ къ папѣ своихъ пословъ въ 1254 г.²⁾ По словамъ Угорскаго короля, эти послы должны были переговорить объ уніи. Очевид-

новскій въ „Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.“, стр. 153, предполагаетъ, что этотъ „тайнственный Милѣй—излюбленный голова городской общины“. Г. Молчановскому виднѣется за личностію Милѣя „городская община“, которая, говоритъ онъ, „кажется, представляетъ явленіе, близко напоминающее Болоховцевъ“ и т. д. Достопримѣчательно однако, что Бакота не подумала сама о присоединеніи къ татарамъ до появленія подъ нею Куремсы и не оказывала Даниилу вооруженнаго сопротивленія, съ которымъ выступили Болоховцы, Побожье и „люди татарскіе“; лѣтопись ничего также не сообщаетъ о крамолѣ горожанъ. Въ хронологіи у г. Молчановскаго въ этомъ мѣстѣ путаница вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ исторіею того времени и съ лѣтописью.

¹⁾ Такая предстояла тогда дилемма. „Куремса приде ко Кремянцю и воева около Кремянца; Андрѣеви же надвое будущу, овогда взывающуся: „*королевъ*“ (новое подтвержденіе того, что это было послѣ коронованія) есмь“, овогда же „Татарьскимъ“ (Ип. 550). Повидимому, это было въ началѣ весны 1254 г.: когда Левъ былъ отряженъ противъ Бакоты, было „роскалье“, вѣроятно—весеннее, потому что послѣ коронованія Данииль отправился на Ятвяговъ; на Литву онъ могъ пойти зимой. Во время прихода Изяслава въ Галичъ, чтб, по смыслу лѣтописнаго разсказа, было почти въ одно время съ опустошеніемъ окрестностей Кременца или вскорѣ послѣ того, Льва не было уже на Руси, потому что Данииль „Лва преже отрядилъ бѣ королеви“. По всей вѣроятности, Левъ былъ отправленъ для присутствованія при заключеніи Угорскимъ королемъ мира съ Оттокаромъ Чешскимъ. Данииль страдалъ въ то время главною болѣзнию, какъ и во время чешскаго похода.

²⁾ Szaraniewicz, Die Нур.-Chron., 83—84. Ср. буллу 1254 г. (Hist. Russ. Mon. I, № LXXXIX), которою прусскій архіепископъ былъ оставленъ легатомъ въ Россіи и на послѣдующее время.

но, Даниилъ медлилъ съ окончательнымъ введеніемъ ея, дожидаясь дѣйствительной помощи, и этимъ явилъ въ себѣ истиннаго дипломата.

Помощь не явилась. Воззванія были бездѣйственны, даже и тогда, когда опасность стала очевидно близка со времени повторенія татарскихъ набѣговъ. Средняя Европа была занята собственными распрями, у Тевтонскаго ордена были домашнія затрудненія, а Польскіе князья были въ разладѣ.

Даниилъ однако все еще не терялъ надежды на помощь съ Запада и предпринялъ послѣ опустошенія Куремсою Кременецкихъ околицъ ¹⁾ наступательныя движенія противъ татаръ. Онъ началъ съ завоеванія ближайшихъ русскихъ земель, поддавшихся татарамъ. Весной 1255 г. ²⁾ Даниилъ послалъ Шварна для довершенія занятія городовъ, „сидѣвшихъ за татарами“: Шварнъ покорилъ города до Тетерева, но потомъ Возвягль отпалъ. Теперь Даниилъ задумалъ рѣшительный походъ противъ татаръ съ цѣлью занятія всѣхъ земель до Двѣпра и снесся съ Миндове, который обѣщаль прислать ему Романа Даниловича съ Новгородцами. Даниилъ направился съ братомъ къ Возвяглю „в силѣ тяжцѣ“. Городъ сдался и былъ зажженъ, и тогда явился Романъ съ Литвою.

Неизвѣстно, почему Даниилъ не двинулся дальше Возвягля, но этимъ не было отсрочено рѣшительное столкновеніе съ татарами. Разрывъ съ ними близился къ развязкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ полагался конецъ переговорамъ объ уніи и плану крестоваго похода, который Даниилъ велѣлъ въ теченіи 9 лѣтъ. Какъ бы въ отвѣтъ на вызовъ Даниила, Куремса пошелъ на Даниила и на Василька ³⁾ и явился такъ

¹⁾ „По рати же Кремляцкой Куремсинъ Даниилъ воздвиже рать противу Татаромъ“ (Ип., 555). Это выраженіе какъ бы указываетъ на то, что походъ галицко-волынскихъ князей въ земли, поддавшіяся татарамъ, былъ отвѣтомъ на нападеніе Куремсы и состоялся вскорѣ послѣ этого нашествія, т. е. въ 1254 г. То, что разсказывается въ лѣтописи предъ этимъ (въ 1257 г. по Ип. сп.), произошло въ 1253 г. Szaraniewicz, Die Нур.-Chron., 67.

²⁾ „Веснѣ же бывши, посла сына своего Шварна...“

³⁾ О приходѣ Куремсы лѣтопись сообщаетъ вслѣдъ за разсказомъ о взятіи Возвягля. Нашествіе Куремсы могло произойти въ 1255 г. Быть можетъ, тогда же татарскіе загонны доходили до Польши: сохранились извѣстія, что татары вторглись въ земли Даниилова союзника, князя Краков-

внезапно, что они не могли приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ оборонѣ. Куремса не могъ причинить особаго вреда галицко-волинскимъ князьямъ и былъ смѣненъ. На его мѣсто „приде Буранда безбожный, злый, со множествомъ полковъ Татарскихъ, в силѣ тяжьцѣ“. Даниилъ оказался теперь вполне въ безпомощномъ положеніи. Къ нему не пришелъ на помощь никто изъ его западныхъ союзниковъ, ни Угорскій король Бела, на подмогу которому Даниилъ водилъ нѣсколько разъ свои полки, ни польскіе князья, ни Тевтонскій орденъ, обязавшійся особымъ договоромъ помогать Даниилу ¹⁾.

Помощь, какую оказывали крестоносцы ордену, могла въ особенности питать надежду Даниила на поддержку отъ католичества; но та главная выгода, которой Даниилъ ожидалъ отъ религіознаго единенія съ католичествомъ, оказалась несбыточною мечтою, и татары, вынудивъ галицко-волинскихъ князей къ участию въ набѣгахъ на сосѣдей Руси, разсорили на время этихъ князей съ поляками и литовцами. Въ критическій моментъ разрыва съ татарами Даниилъ окончательно разуверился въ силѣ папы. Поздно онъ усумнился въ ней, не такъ, какъ отецъ его Романъ, который отвергъ предложеніе о помощи могучаго Иннокентія III ²⁾. Разставшись съ надеждою на папскую помощь, Даниилъ прекратилъ переговоры съ папою, по всей вѣроятности—въ концѣ 1254 г. Даниилъ не могъ продолжать сношеній съ Римомъ, потому что противъ того была бы теперь вся земля его. Она могла примириться съ уніей лишь въ виду ощутительной пользы отъ такого единенія, и потому-то, вѣроятно, Даниилъ отлагалъ до послѣдняго момента рѣшительное согласіе на унію. Помощи, составлявшей главное

скаго и Судомірскаго, и опустошили ихъ (Röpell, 525). Но такъ какъ этотъ набѣгъ отнесенъ въ источникахъ къ 1254 г., то вѣроятнѣе, что татары пробрались въ Польшу послѣ прихода къ Бакотѣ, во время „воеванья“ около Кременца.

¹⁾ См. грамоту Бурхарда фонъ-Горнгаузенъ 1254 г. въ Codex diplomat. Poloniae, stud. et opera Rzyszczewski et Muczkowski collectus, t. III, Vars. 1858, p. 63—64. Ср. Script. rer. Prussic., I, 89, прим. 1. Быть можетъ, не безъ вліянія на договоръ ордена съ Данииломъ находилось посредничество папы. Въ 1254 г. папа—вѣроятно, по настояніямъ Даниила—призывалъ Тевтонскій орденъ противъ татаръ.

²⁾ Впрочемъ, стиль извѣстія о Романовомъ отвѣтѣ папѣ, занесеннаго въ кенигсбергскій списокъ, отличается новизною.

условіе, какое ставилъ Даниилъ для уніи, не было, и Даниилъ считалъ себя свободнымъ отъ обязательствъ. Окончательный разрывъ воспослѣдовалъ въ 1257 г. ¹⁾ Папа Александръ IV прислалъ Даниилу буллу, въ которой напоминалъ ему о данномъ имъ обѣщаніи и о благодареніяхъ, которыми Даниилъ былъ обязанъ Римской церкви, склонялъ русскаго князя къ возвращенію въ лоно католичества и грозилъ ему, въ случаѣ непослушанія, вѣчною гибелью и наказаніемъ мірскимъ и духовнымъ. Церковному наказанію должны были подвергнуться Даниила епископы Оломуцкій и Бреславльскій. Булла эта хранилась въ Краковскомъ соборѣ, гдѣ ее списалъ помѣстившій ее въ своей исторіи Длугошъ ²⁾. Она формально разрывала единеніе въ вѣрѣ Данииловой Руси съ католическимъ міромъ, которое держалось 9 лѣтъ. вмѣстѣ съ тѣмъ папа освободилъ Любускаго епископа отъ посвященія русской епархіи „по причинѣ обширнаго протяженія (этой) земли, вѣроломства ея владѣтелей и злобы обитателей“.

Южная Русь была спасена на нѣсколько десятилѣтій отъ настоящей католической пропаганды, пока во второй четверти XIV в. католичество не встрѣтило усерднаго пособника въ лицѣ послѣдняго галицко-волинскаго князя изъ Романовичей, Юрія II.

Такова исторія первой южно-русской уніи, возстановленная при помощи критическаго сопоставленія источниковъ.

VII. Эта исторія выясняетъ характеръ Даниила, обрисовываетъ его въ истинномъ свѣтѣ и даетъ право вполне освободить Даниила Романовича отъ тѣхъ упрековъ, какіе дѣлали ему католики и католическіе писатели, а также оправдать его отъ тѣхъ подозрѣній, какія могутъ явиться въ людяхъ, чтущихъ искренность, свободу и независимость религіознаго чувства ³⁾: поведеніе Даниила можетъ показаться по-

¹⁾ Неблаговоленіе папы къ Даниилу проглядываетъ уже въ документахъ начала 1255 г. Быть можетъ, русскіе разумѣлись также въ буллѣ 5 января 1257 г., въ которой папа взялъ подъ свое покровительство принявшихъ крестъ противъ *Liewanenses, Jacintiones et alios paganos et scismaticos, qui ferris christianorum confines existunt*. Theiner, I, № CXII. Около того же времени прекратились и переговоры греческаго востока съ папой.

²⁾ Lib. VII, col. 779.

³⁾ Враждебнѣе другихъ писателей отнесся къ Даниилу Длугошъ, назвавшій русскаго короля апостатомъ, схизматикомъ, который „*scelere perfidi-*

слѣднимъ нѣсколько легкомысленнымъ, но необходимо принять во вниманіе общее колебаніе православнаго востока въ то время¹⁾. Никейскій императоръ и патріархъ также сносились съ папою и готовы были сдѣлать ему нѣкоторыя уступки.

И при Даніилѣ, какъ и въ другіе разы, уніа въ юго-западной Руси была послѣдствіемъ политическихъ расчетовъ, но сторонники ея въ половинѣ XIII в. рѣзко отличаются отъ поборниковъ позднѣйшей уніи: Даніилъ и его единомышленники дѣйствовали честно и не прибѣгали къ насиліямъ.

Нельзя не признать, что Даніилъ поступалъ въ этомъ случаѣ съ замѣчательною осмотрительностью и благоразуміемъ. Онъ не вѣлъ переговоровъ на свой страхъ; согласно соборному началу восточной церкви, предложеніе объ уніи было обсуждаемо князьями совмѣстно

diae in Deum fuerat inquinatus“. Другіе польскіе писатели выражались не столь рѣзко, но все-таки обвиняли Даніила въ непостоянствѣ и ставили русскимъ въ укоръ участіе подобно ему въ татарскихъ набѣгахъ на Польшу. Энгель (Gesch. v. Halitsch, 558) выразился о Даніилѣ: Er ein feiger und verschmitzter Mann, feig und verschmitzt bis zur Niederträchtigkeit...“ Изъ повѣйшихъ историковъ г. Шараневичъ готовъ видѣть въ переговорахъ Даніила съ Римомъ колебанія и отсутствіе строгой послѣдовательности. Онъ выражается такъ о матери Даніила: „So viel steht fest, dass die Mutter der Romanowiczen sich an beiden Höfen, am polnischen und am ungarischen, heimisch fühlte und für das abendländische System entschieden eingenommen war, daher sie auch ihren, *in seinen politischen Plänen oft swänkenden* Sohn zur Annahme der königlichen Krone aus den Händen des Pabstes endgiltig bestimmt hat“ (D. Нур.-Chron., 42). На стр. 84, говоря о коронованіи Даніила и затѣмъ объ отреченіи послѣдняго отъ уніи, замѣчаетъ: „Die Strömungen, welche Daniels beweglichen Charakter beeinflussten, waren somit heterogener Natur“. Г. Шараневичъ, какъ бы соглашается съ мнѣніемъ Длугоша, который говоритъ по поводу старанія польскихъ епископовъ отклонить Опизо отъ коронованія Даніила, что они отлично знали „naturam et mores Danielis Ducis et ejus fluxam vaframque fidem“ (col. 700). Признаемся, мы совершенно не раздѣляемъ мнѣнія почтеннаго галицкаго историка и видимъ, напротивъ, строгую послѣдовательность и единство въ политическихъ планахъ Даніила.—Преосв. Макарій (Ист. рус. ц., т. V, СПБ. 1866, стр. 314—315) осудилъ Даніила безусловно.

¹⁾ См. указанную статью въ „Христ. Чтеніи“.

съ епископами и лучшими людьми, и отвѣтъ былъ данъ съобща¹⁾). Не видимъ въ Даниилѣ и мелкой хитрости и двоедушія²⁾, а также непостоянства: онъ оставался до конца переговоровъ вѣренъ разъ составленной программѣ, не отступалъ отъ нея и, если прервалъ потому сношенія съ папою, то не по собственной винѣ, а по неисполненію папою требованій о помощи.

Нельзя обвинять и папу. Онъ видимо старался возбудить крестовый походъ противъ татаръ, о чемъ свидѣлствуютъ буллы 1247, 1251, 1253 и 1254 гг. Онъ пытался всѣми способами убѣдить славянъ, потерпѣвшихъ уже разъ отъ татаръ, принять крестъ и идти на

¹⁾ „....inter se et *cum Episcopis caeterisque probis viris* super his, quae locuti fueramus eisdem, in processu nostro ad Tartaros consilium habentes, *responderunt nobis communiter*“... Плано-Карпини, 62.— Въ числѣ согласившихся на унію былъ, вѣроятно, и нареченный митрополитъ Кириллъ II. Ипатскій списокъ упоминаетъ о „Кириллѣ митрополитѣ“ уже подъ 1243 г. (Ип., 528), но онъ не былъ поставленъ еще и въ 1246 г., по возвращеніи Даниила изъ орды (тамъ же, 537). По дорогѣ въ Грецію въ томъ году Кириллъ видѣлся съ угорскимъ королемъ, и тотъ упросилъ митрополита склонить Даниила къ миру, что Кириллъ исполнилъ. Любопытно, что Василько убѣждалъ Даниила къ тому же словами: „иди к нему, яко крестьянъ есть“. Въ этомъ доводѣ выразилась идея, косорой слѣдовали Романовичи, братаясь съ католическими сосѣдями. О времени перехода митроп. Кирилла на сѣверъ (1250 г.) см. въ лѣтописяхъ Никоновской (IV, 32) и Воскресенской (П. с. р. л. VII, 159); нѣсколько подробнѣе у Татищева (IV, 23), гдѣ обозначенъ и путь Кирилла.

²⁾ Намѣренъ ли былъ Даниилъ искренно приступить къ уніи въ случаѣ осуществленія его политическаго плана, или же, подобно болгарскому царю Іоанну (начала XIII в.) и Ѳедору Комнину, онъ не думалъ рѣшительно измѣнить православію (это утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи), не беремъ рѣшать, а равно не станемъ опредѣлять, насколько хитрилъ Даниилъ въ переговорахъ съ папою. Хитрость со стороны Даниила въ этихъ переговорахъ предполагалъ уже Карамзинъ, который говоритъ, что Даниилъ, когда не состоялось ополченіе противъ татаръ, „снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ папы... смѣялся надъ злобою папы и, строго наблюдая уставы Греческой церкви, доказалъ, что мнимое присоединеніе его къ Латинской было одною государственною хитростію“ (т. IV, стр. 33—34 изд. Эйнерлинга).

встрѣчу врагамъ въ предупрежденіе возможнаго нападенія ихъ. Папа рассчитывалъ подѣйствовать на религіозное чувство и на самолюбіе славянъ. Онъ писалъ, что должно смыть позорное клеймо, наложенное постыднымъ бѣгствомъ предъ нечестивыми, которымъ должно быть страшнымъ имя христіанъ¹⁾. Папство проявило вполне свою нетерпимость только по отношеніи Даніила. — Если Даніиль допустилъ нѣкоторую ошибку и повѣрилъ на время внушеніямъ папскихъ легатовъ и сосѣднихъ католическихъ государей²⁾, раздѣляя въ этомъ случаѣ, быть можетъ, довольно распространную въ православномъ мірѣ увѣренность въ необходимости религіознаго примиренія съ католичествомъ³⁾, то все-таки этотъ ложный шагъ не причинилъ большаго вреда благодаря осмотрительности Даніила. Вторженія татаръ, бывшія прискорбнымъ послѣдствіемъ сближенія съ Западомъ, неизбежно произошли бы и безъ коронованія Даніила, какъ то показали набѣги татаръ на Польшу и Угрію. Укрѣпленіе Даніиловыхъ городовъ также рано или поздно привлекло бы вниманіе татаръ. Бесплодные для Руси походы на За-

¹⁾ Hist. Russ. Monim. I, p. 70.

²⁾ Угорскій король также долго надѣялся на папскую помощь и жаловался въ 1259 г. на неисполненіе своей надежды. Мысль о крестовомъ походѣ противъ татаръ держалась и впоследствии, и долго еще вѣрили въ возможность осуществленія ея. Такъ, напр., въ 1330 г. Владиславъ Локетекъ переговаривался съ папою о крестовомъ походѣ.

³⁾ Не только Даніиль, но и многіе другіе въ восточной Европѣ въ XIII в. приходили къ мысли о единеніи съ католичествомъ, если вѣрить папскимъ булламъ 1227 г. (ad universos Reges Russiae), 1231 г. (къ Юрію Всеволодовичу) и 1248 г. (къ Александру Невскому; см. у Тургенева) и доминиканцу Юліану, путешествовавшему будто бы въ страну приволжскихъ угровъ предъ татарскимъ нашествіемъ. По словамъ Юліана, сарацины земли Вела, города Bundaz'a, „государь и народъ той страны говорятъ публично, что они вскорѣ должны сдѣлаться христіанами и подчиниться Римской церкви“. Тоже говорили и въ Великой Болгаріи. Мордвины, „узнавъ отъ своихъ пророковъ, что должны сдѣлаться христіанами, послали къ князю великой Лодомеріи, земли Русской, сосѣдней съ ними, съ просьбою, чтобы имъ прислалъ священника для крещенія ихъ; но князь отвѣчалъ, что это не его дѣло, а Римскаго папы, и что приближается время, когда всѣ принуждены будутъ принять вѣру римской церкви и подчиниться ея власти“ (Зап. Од. Общ. ист. и древн., т. V, 1000 — 1002). Вамбери однако заподозрилъ подлинность извѣстій Юліана. Der Ursprung der Magyaren, Leipz. 1882, 454 fgde.

падъ противъ чеховъ, разрушавшіе единеніе славянъ¹⁾ и не принесшіе Даниилу ничего, кромѣ нѣкотораго удовольствованія его самолюбія²⁾, были вызваны вовсе не химерною мечтою о союзѣ съ католическимъ міромъ противъ татаръ³⁾. Въ переговорахъ съ папою Даниилъ былъ чуждъ пустаго тщеславія. Религіозное общеніе съ католическимъ міромъ при Даниилѣ, какъ ни было кратковременно, принесло не мало выгодъ юго-западной Руси. Оно обезопасило русскія земли отъ покушеній западныхъ сосѣдей, которые могли нападать до того времени на Русь, опираясь на старыя права⁴⁾ и прикрываясь религіознымъ знаменемъ: теперь Угры, Ляхи и Ростиславъ Михайловичъ должны были отказаться отъ дальнѣйшихъ вторженій не только вслѣдствіе ослабленія, произведеннаго татарскимъ нашествіемъ и Ярославскою битвою; не лишено было значенія и покровительство, которое папа оказывалъ Романовичамъ въ 1246 и слѣд. годахъ⁵⁾. Были извлечены Русью и другія выгоды изъ этого покровительства. Въ то время Ятвяжская земля, находившаяся между Русью, Польшею и землями Тевтонскаго ордена, представляла выходъ для колонизаціи, и ятвяжскія пущи старалось захватить каждое изъ этихъ племенъ. Признаніе папскаго главенства уравнивало Даниила съ сосѣдями въ правахъ на ятвяжскую землю, ограждало его отъ покушеній крестоносцевъ на занятія мѣстности и исконныя русскія земли⁶⁾ и доставило Даниилу безъ всякой борь-

1) Понятно послѣ такихъ раздоровъ, что между чехами, поляками и русскими не могло быть общаго соглашенія о походѣ противъ татаръ.

2) См. въ галицко-волинской лѣтописи на стр. 545 и 548 объясненіе побужденій, по которымъ Даниилъ отправился воевать чешскую землю. Прибавимъ, что, помогая Белѣ, Даниилъ поддерживалъ тѣмъ на австрійскомъ престолѣ своего сына Романа.

3) До монгольскаго нашествія Даниилъ также готовъ былъ вмѣшиваться въ распри западной Европы. Ип., 517.

4) Разумѣемъ притязанія Угровъ, Ляховъ и Ростислава Михайловича на галицкія земли.

5) Буллою 3 мая 1246 г. папа принялъ подъ охрану св. Петра и свою короля Руси и его королевство. Буллою 12 сентября 1247 г. были приняты подъ покровительство св. Петра королевство Даниила, его сына и Василька, ихъ семьи, владѣнія и имущества.

6) Буллами 27 августа 1247 г. Даниилу, его сыну и Васильку было предоставлено право возвращенія владѣній, земель и другихъ имуществъ,

бы формальное признаніе въ 1254 году права его на шестую часть Ятвяжской земли со стороны Тевтонскаго ордена, который могъ смотрѣть до того впрочемъ на Ятвяжскую землю какъ на исключительно ему принадлежавшее достояніе ¹⁾). Наконецъ, благосклонность папы и общеніе съ католичествомъ доставили Даниилу союзника въ борьбѣ съ Литвою и Миндове, сблизивъ Даниила съ Тевтонскимъ орденомъ ²⁾).

Предшествующее изложеніе достаточно, думаемъ, показало, что нѣтъ никакихъ основаній называть Даниила первымъ латинизаторомъ южной Руси³⁾. Создавъ ея благоденствіе, насколько оно было возможно въ тѣ годы постоянныхъ невгодъ и страшныхъ татарскихъ погромовъ, Даниилъ ничѣмъ не запятналъ своей славы, остался до конца вѣренъ своей идеѣ непрерывнаго устроенія, укрѣпленія и возвышенія своей родины и проводилъ эту идею съ замѣчательною прозорливостью, не сдѣлавъ ни одной крупной ошибки, за которую падала бы на него вина: Даниилъ прекратилъ во время переговоровъ съ папою, и католическая пропаганда не достигла при немъ никакого существеннаго успѣха. Нельзя не поставить этого въ крупную заслугу Даниилу. Съ введеніемъ уніи при Даниилѣ, уже при русскихъ князьяхъ пролагался бы путь тѣснѣйшему сближенію Руси съ Польшею и подавленію впоследствии русской національности польскою. Сгладивъ взаимную антипатію, религиозное общеніе не устранило бы завоевательныхъ притязаній Польши на галицко-волинскую землю и планы, которые она пыталась

которыя достались имъ по праву наслѣдства или какому-либо другому и были удерживаемы другими королями, не состоявшими въ повиновеніи церкви. Папа воспретилъ крестоносцамъ и другимъ орденамъ вторгаться въ земли, приобрѣтенныя этими князьями, или такія, на которыя они имѣли право, и приобрѣтать владѣнія въ этихъ земляхъ безъ ихъ согласія.

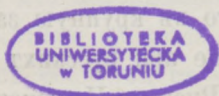
¹⁾ Въ 1237 году нѣмецкіе рыцари пытались-было захватить Дрогичинскую землю, отданную имъ Конрадомъ Мазовецкимъ. См., между прочимъ, Törpen, Geschichte Mazurens, 13.—О притязаніяхъ на ятвяжскую землю въ половинѣ XIII в. см. у Sjögren'a Ueb. die Wohnsitze d. Jatwägen въ Mem. de l'acad. de St.-Petersb., ser. vi, t. IX, и у Тэппена стр. 18—20.

²⁾ Ип., 541—542.

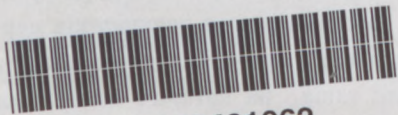
³⁾ Съ бѣльшимъ основаніемъ Стадницкій (O początkach arcibiskupstwa i biskupstw katolickich iac. obrz. na Rusi halickiej i Wołyniu, Lwów 1882) считаетъ польскихъ князей первыми латинизаторами Руси.

осуществить уже въ XI и XIII вв. и привела въ исполненіе лишь въ XIV столѣтіи. Подъ вліяніемъ католичества русскій народъ на пограничьи съ Польшею утрачивалъ постепенно свои народныя особенности¹⁾. По аналогіи можно заключать, что, съ подчиненіемъ папству юго-западной Руси уже при Даниилѣ и съ присоединеніемъ къ Польшѣ Руси уже окатоличенною, земли славныхъ Романа и Даниила, такъ стойко ограждавшихъ родной край, юго-западную русскую *украину*²⁾, отъ насилій враговъ, не устояли бы въ борьбѣ за народность и были бы теперь потеряны для русскаго племени. Польская нація издавна понимала это могучее политическое значеніе религіозной пропаганды и потому-то такъ старательно поддерживала ее въ русскихъ земляхъ со времени захвата Галичины и уловленія литовско-русскаго государства въ сѣти политической уніи.

Н. Дашкевичъ.

Biblioteka Główna UMK

300000401062

¹⁾ Это признаютъ и польскіе писатели. См., напр., Uamek z podróży archeologicznej po Galicyi odbytej w r. 1849 przez Józefa Łepkowskiego i Józefa Jerzmanowskiego, Okolica podkarpacka obwód sądecki, Warsz. 1850 (Odcisk z 116 i 117 poszytu Biblioteki Warszawskiej), 38—39, 47—48 и др.

²⁾ Это выраженіе въ примѣненіи къ пограничью со стороны Польши встрѣчается въ галицко-волынской лѣтописи.